

МИХАИЛ МИХЕЕВ

Боевая фантастика

НАСЛЕДНИЦА

Annotation

Вы – отшельник, живущий в глуши и проводящий свои дни в мыслях о высоком? Замечательно! Живите и радуйтесь, и никогда, слышите вы, никогда не просыпайтесь, если к вам стучатся в дверь. Что, вы уже проснулись? Так, быстро повернулись на другой бок и спим дальше. И не встаем. Как, вы уже встали? Тогда ни в коем случае не открываем... Уже открыли? Закройте обратно и не впускайте гостью. Впустили? Ну, тогда хотя бы не заступайтесь за нее! Заступились... Все, пора вспоминать, кем вы были до того, как пришли в эти места, снимать со стены меч и шагать по раскисшей дороге, потому что мы в ответе за тех, кого приручаем.

Михаил Александрович Михеев

Наследница

Роман

© Михаил Михеев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава первая, в которой мирная жизнь отшельника рушится самым неожиданным образом

*Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.*

В. Высоцкий

Стук в дверь – не самый приятный звук. Особенно, когда за окном ночь и ты крепко-крепко спишь. Особенно, когда в ответ на твое сонное «пошли вон» стук повторяется с удвоенным энтузиазмом. Словно бы тому, кто барабанит в толстую, способную удержать тролля (ну, хотя бы на пару минут) дверь нечем больше заняться. И вот стоит, барабанит, под дождем изо всех сил мокнет. Шел бы отсюда, поискал, где укрыться можно... Елочку бы какую нашел, что ли, или шалаш соорудил, а не поднимал из мягкой, теплой постели старого отшельника, которого, вдобавок, мучает жесточайшее похмелье.

Торн с невероятным, воистину нечеловеческим усилием заставил себя принять вертикальное положение. В голове вначале перекатился свинцовый шар, а потом изнутри по черепу застучали молоточками тысячи гномов. Не тех, которые добывают золото в шахтах, а очень маленьких, хотя и не менее упорных. Тьфу, мерзость...

Во рту было сухо, как в пустыне в период засухи. Пошарив рукой по столу, Торн почти сразу нащупал искомое – огромный глиняный кувшин с огуречным рассолом. Лучшее средство от всех бед, связанных с похмельем, никакое заклинание рядом не стояло. Возблагодарив богов и собственную предусмотрительность, Торн взял его, поднес к губам и, не чувствуя вкуса, начал вливать в глотку живительную влагу. От головной боли, естественно, не помогло, но хотя бы стало не так мерзко, и язык перестал напоминать разбухшую до безобразия кедровую шишку. Это действие немного отвлекло Торна от окружающей действительности, и, когда спасительный кувшин показал дно и был со вздохом возвращен на прежнее место, отшельник с надеждой прислушался. Может, незванный визитер ему приснился?

Стук в дверь повторился. Кто бы ни пришел, он был настойчив и упорно желал встретиться с хозяином единственного на двадцать миль вокруг человеческого жилья. Лучше бы к медведю по ошибке завернул, с тоской подумал Торн и встал. В голове снова перекатился отвратительно холодный шар, но равновесие держать получалось без усилий. Это радовало – теперь незванный гость встретится не просто со злым колдуном, а со злым колдуном, крепко стоящим на ногах, а значит, готовым к бою.

Как ни странно, эта мысль, несмотря на категорически не подходящее самочувствие, немного развеселила его, и вниз Торн спускался уже в относительно приличном настроении. Даже в полах длинного халата ухитрился не запутаться, что в его состоянии выглядело целым достижением. Единственно, пожалел, что с вечера не поставил здесь полог тишины.

Конечно, заклинание сложное и в плане энергии затратное, весь дом закрывать – недопустимая расточительность, но уж о спальне-то можно было позаботиться.

Холодильный ящик в углу привлек взгляд Торна, словно магнит железную пудру. Там, как он точно знал, стоит жбанчик с пивом. С восхитительно холодным пивом... Нет. Отшельник с трудом сдержался от того, чтобы мотнуть головой. Просто хорошо представил, какие ощущения ему при этом жесте грозят. Конечно, пиво есть – ума не надо, однако похмеляться он не собирался. «Неправильный опохмел ведет к длительному запою», – эти слова отца Торн запомнил с детства и не видел причин им не доверять. Папаша, что ни говори, был мудрым человеком. Хотя почему был? Он-то есть и от людей не прячется, наоборот, когда отец в гневе, люди прячутся от него, а вот будешь ли ты – вопрос открытый.

Проходя мимо зеркала в углу, Торн механическим, ставшим привычным с детства движением пригладил волосы. Ну, не лежат они у него, как надо, приглаживай, не приглаживай, им без разницы. Зато женщинам нравятся – длинные, почти до плеч, темные, слегка вьющиеся... Смешно, родители светловолосые, а он – совсем наоборот. В деда, наверное, тот тоже был чернявый и ходок тот еще. Хотя, кроме волос, роста и могучего сложения, другими серьезными достоинствами Торн не обладал. Лицо словно топором вырубленное, а после двух – оставленных рапирой одного не в меру заносчивого эльфа – шрамов, хоть и сведенных целителем, еще и малоподвижное. Глаза цвета льда. Что еще? Ах да, паршивый характер, средненький магический дар, ну и кое-какие мелочи – все это, по мнению самого Торна, недостатки. А еще полное отсутствие мозгов в голове, иначе не сидел бы в этой глуши, а давно возглавлял, к примеру, кафедру прикладной магии в Академии. Не в столице, разумеется, там и своих умников хватает, а где-нибудь в провинции, в филиале, что хоть и менее почетно, но тоже неплохо. Отец бы помог непутевому чаду... скорее всего. Да и мать подключила бы свои старые знакомства. Глубину связей предков Торна не знал никто, даже он сам, но то, что тянутся они на самый верх, в королевский дворец, секретом не являлось.

Стук в дверь оторвал Торна от привычных и успевших набить изрядную оскомину рассуждений. На сей раз он звучал как-то полузадушенно – сколь бы ни был упорен незваный гость, он явно устал бесплодно молотить кулаками по толстым доскам из потемневшей от времени лиственницы. У отшельника даже появился соблазн повернуться и уйти, но он все же пересилил себя. Нет уж, раз пришлось встать, пускай тот, кто посмел нарушить покой мирно спящего человека, почувствует, что такое его гнев. Несмотря на похмелье, на пару очень неприятных проклятий Торн был еще вполне способен.

Закрывалась дверь на хитрую систему засовов, которые пришлось бы отодвигать, наверное, пару минут. Или пять секунд, если знать, как это правильно делается. Один поворот рычага – и все остальное хитрая система противовесов сделает за тебя. Правда, чтобы эта хитрая, гномьей работы машинерия работала, надо, чтобы все пазы подходили друг к другу идеально, но мастер, делавший эту дверь, не зря выбрал в качестве материала лиственницу. Если знать, как с ней работать, можно добиться практически каменной твердости и полного отсутствия гниения, причем безо всякой магии. Дуб, разумеется, немного прочнее, но в этих местах его сложно найти, да и весить дверь будет столько, что рано или поздно металлические петли банально перекосят. Эта же дверь служила когда-то еще деду Торна и, если боги окажутся благосклонны, послужит и его внукам. Если они, конечно, когда-нибудь появятся, эти внуки, что в свете последних лет его жизни выглядит сомнительно.

Легкий шелест. Засовы выходят из пазов именно так, практически бесшумно, человеческому мастеру подобного не добиться, но для гнома такое качество работы норма. Дверь открывается без скрипа, и яркий свет сейчас бьет в глаза тому, кто стоит перед ней. А вот сам Торн расположился чуть сбоку, здесь очень удобная, специально для этой цели сделанная в незапамятные времена ниша. Из нее видно все, что происходит снаружи, а вот тем, кто перед дверью, требуется определенное время, чтобы обнаружить хозяина дома. Не такое уж и большое время, но, порой, вполне достаточное, чтобы захлопнуть дверь... или угостить незваного гостя промеж глаз чем-нибудь несочетаемым с долгой и счастливой жизнью. В отношении людей, равно как и прочих живых существ, отшельник иллюзий не питал, а немалый опыт тесного общения практически со всеми расами континента приучил его к осторожности. Лучше почувствовать приступ стыда на могиле невинно убиенного прохожего, чем увидеть, как плачут над твоей могилой. Знаем, проходили, и хвала богам, что не на собственном опыте.

Однако, как ни удивительно, в этот раз Торн и посетитель увидели друг друга одновременно. Незванный гость из-за того, что хозяин стоял в стратегически выигрышной позиции, плюс того, чьи глаза привыкли к темноте, ослепил свет, а сам Торн... Ну, честно говоря, лишь потому, что ориентировался на рост обычного человека, а притупленная алкоголем реакция не дала сразу отреагировать и посмотреть вниз.

Закутанная в темный плащ фигура могла быть с успехом описана двумя словами – «мелковата» и «сыровата». Пожалуй, она могла бы дышать Торну под мышку... Хорошо хоть, не в пупок. К тому же она оказалась весьма субтильной, даже набухшая от воды ткань плаща не могла этого скрыть. Ну и, вдобавок, когда начала открываться дверь, гость сделал шаг назад, что, в свою очередь, заставило его спуститься на одну ступеньку ниже. В результате всех этих манипуляций он и выпал на пару секунд из поля зрения отшельника. Впрочем, ничего страшного при этом не произошло – кем бы ни оказался пришелец из ночи, буйным он явно не был.

– И кого это демоны принесли?

Это было вежливо. Для колдуна, которого если и не смертельно боялась, то уж точно опасалась вся округа, послать незваного гостя куда подальше обычное дело. Тем более, когда его разбудили. Самое смешное, никакого удовольствия самому отшельнику такое поведение не доставляло, однако так было правильно. Крестьяне – народ простой. Даже слишком. Или они боятся колдуна и обращаются к нему только в крайнем случае, неся в клювике соответствующую проблеме денежку, или же будут прибегать из-за каждого пустяка, вроде чирея на пятке. И, что характерно, без кошелька, свято уверенные, что волшебник добрый, он поможет страждущему. Обязательно поможет. За так. Или, в крайнем случае, в долг. Ага, поможет. Он, Торн, доверчивый. Был. Когда-то.

– Меня зовут... – Тут ей на лицо упала скатившаяся с крыши струйка воды, и она закашлялась. – Войти... можно?

Ну вот, еще и баба. Причем, судя по голосу, молодая. Больше всего Торну хотелось захлопнуть дверь и отправиться досыпать. Он гостей не приглашал!

– Заходи...те.

Ну вот, так он и знал. За то время, пока вставали на свое место засовы, с плаща на пол натекла вода. Целая лужа. Хорошо еще, полы он сам обрабатывал, тщательно, даже, можно сказать, с любовью вплетая в доски несколько слоев заклиний. Гнить не будут, высохнут сразу же. К тому же они теплые, хотя в том заслуга не столько магии, сколько тщательно

продуманной системы отопительных трубок, идущих под полом и равномерно отдающих ему жар от хорошо протопленной печи.

Судя по тому, в какой позе стояла гостья, в мокрой одежде ей было весьма неудобно. Мешковатый плащ скрывал это, но не до конца. А вот не надо было под дождем ночами бегать, с внезапно проснувшимся цинизмом подумал Торн, а вслух сказал:

– Я думаю, вам будет несколько комфортнее, если вы снимете эту тряпку.

Обиделась, вон, как головой дернула, но смолчала. Только решительно взялась за завязки. Угу, угу, давай, развязывай намокший шнурок, интересно, как у тебя это получится...

Как ни странно, получилось. Не с первой попытки, разумеется, но все же раньше, чем отшельник предложил ей нож, дабы разрезать неподатливый узел. Рывок! Плащ мешком свалился к ногам гостьи, открыв бледное, довольно симпатичное лицо и отличную фигуру, запакованную в дорожное платье из дорогой, это можно было определить даже сейчас, темно-синей ткани. Тоже мокрое насквозь. И колотило ее хозяйку в ознобе нещадно, хотя в доме было тепло, а на втором этаже даже, можно сказать, жарко. Вот только снаружи уже осень, и лужи к утру иной раз оказываются подернутыми тонким ледком.

– Нет, девушка, так не пойдет. Заработаете воспаление легких, а мне с вами потом возиться, – Торн повернулся, не выпуская, впрочем, на всякий случай девушку из поля зрения. Видел он уже как-то раз стилет, птичкой вылетающий из такого же рукава, ага. – Вот, переоденьтесь, а потом проходите в комнату. Прошу извинить, платье дома не держу...

Когда девушка, кутаясь в его халат, вошла в комнату, Торн как раз заканчивал разжигать камин. Можно было бы, конечно, прогреть комнату и магией, но живое тепло горящего очага куда лучше воспринимается человеческим телом. На столе мерцал рубиновым блеском бокал с подогретым вином, там же стояла кое-какая еда, извлеченная из холодильного шкафа, все же законов гостеприимства еще никто не отменял, и ни раздражение, ни плохое самочувствие не были оправданием, чтобы пренебречь ими. Впрочем, настроение малость улучшилось, когда Торн увидел, как гостья старается не запутаться в его халате, для нее определенно слишком длинном. Выходило это у нее настолько комично, что он с трудом удержался от смешка. От девушки, тем не менее, его настроение не укрылось, она зыркнула возмущенно, но смолчала, что разом подняло мнение Торна об ее умственных способностях на пару делений. Правда, всего на пару, не более – уже тот факт, что она сейчас находится здесь, заставлял лишний раз задаться вопросом о существовании интеллекта вообще и женского в частности.

Пока гостья ела, кстати, не чинясь и не пытаясь жеманничать, что говорило или об отсутствии манер, или об изрядном голоде, Торн внимательно, ничуть этого не скрывая, рассматривал ее. Откровенно говоря, ничего особенного. Лет восемнадцать, может, чуть больше или чуть меньше. Невысокая, худощавая... Честно говоря, такие были не во вкусе отшельника, во всяком случае, в те времена, когда он еще не был отшельником. Волосы прямые, темные, даже темнее, чем у Торна. Лицо симпатичное, но не более того, красавицей девушку не назовешь. Черты тонкие, аристократические, но это ни о чем не говорит, подобные экземпляры встречаются порой и в глухих деревнях, где селяне в жизни не видели картины интереснее огромной кучи любимого навоза. Словом, ничего из ряда вон выходящего, такие типажи увидеть можно часто. И бледная, что, в общем-то, легко объяснимо – снаружи, чай, не лето. Плюс наверняка устала – во дворе не было и намека на лошадь, а сапожки гостьи, которые Торн успел разглядеть еще в дверях, могли похвастаться толстым слоеноналипшей грязью и отсутствием подметок. Стало быть, шла по лесной дороге

пешком – там сплошная глина, и если в ней остались только подметки, то путешественница, в принципе, легко отделалась. Сам Торн, как-то решивший прогуляться по этому недоразумению, которое местные крестьяне с гордостью называют трактом, один сапог и вовсе утопил. Право же, в сырую погоду по лесу идти значительно легче.

Наконец девушка закончила трапезу. Ее уши, чуть более заостренные, чем у большинства людей, что наводило на мысль о толике эльфийской крови, при этом забавно шевелились, однако, когда она подняла голову, у Торна почему-то не возникло и тени желания рассмеяться. Взгляд был прямым и острым, как клинок эльфийской рапиры, и в то же время каким-то устало-беспомощным. Таким бывает взгляд очень сильных людей, не привыкших отступать, но оказавшихся вдруг перед непрошибаемой стеной... и бившихся о нее головой до потери сознания. Не тот взгляд, который ждешь от совсем молодой девушки.

– Итак, кто вы и что привело вас в мое скромное жилище? – Торн, подумав, решил взять нить разговора в свои руки. А то гостя мнетса, явно не зная, с чего начать.

Девушка подняла глаза – огромные, черные – и с усилием, будто выталкивая застрявшие в горле слова, выдохнула:

– Я прошу у вас помощи. И защиты.

– Гм... Это интересно, – Торн механическим жестом почесал щеку, с неудовольствием отметил, что уже дня три не брился, и вздохнул. – Даже если не учитывать тот факт, что вы начисто проигнорировали мой первый вопрос, возникают еще как минимум два. Почему я должен вам помогать и чем вообще может кому-то помочь старый отшельник?

– Насчет старого я бы не сказала, – девушка вдруг улыбнулась. – Вам не дашь больше тридцати.

Лесть, наглая и беспардонная. Торну недавно исполнилось тридцать пять, и на них он, как сам был уверен, и выглядел. Но все равно приятно...

– Я просто неплохо сохранился. И все же прошу ответить на мои вопросы.

В его голосе явственно звякнул металл – такую интонацию он в свое время отрабатывал часами, в ущерб многому другому, и учитель риторики был вне себя от непослушного ученика. Торн по опыту знал, что, услышав его голос, многие предпочли бы испугаться, но девушка оказалась из другого теста.

– Разве помощь ближнему не является благословенной богами добродетелью?

– Во-первых, не всеми богами, а лишь некоторыми. Меньшинством, кстати, и не самым популярным. А во-вторых, ближних, – тут Торн оглянулся и в недоумении пожал плечами, – я здесь почему-то в упор не наблюдаю.

Разговор начал его забавлять. Пожалуй, слишком долгое сидение в одиночестве противопоказано для человеческой психики, и он соскучился по общению. Что же, будем считать, свое вино гостя уже отработала. К тому же голова уже практически перестала болеть, и это настраивало Торна на благодушный лад.

– Понятие «ближний» – иносказательно.

– Я предпочитаю не понимать намеков. Так почему я должен кому-то помогать? И как вообще может помочь кому-то безобидный отшельник?

– А я думала, что прозвище Эль Барро кому попало не дадут.

Очень интересно. Эль Барро. Снежный барс на старозельфийском диалекте. А еще – несущий смерть зверь, приходящий из тумана. Это если вдаваться глубоко в тонкости перевода. Так его звали... когда-то. Не здесь, далеко, на побережье... Интересно только, откуда эта девушка знает такие малоаппетитные подробности его биографии?

– Неисповедимы причудливые изгибы человеческой мысли. Но словесное фехтование мне презрительно надоело еще в те времена, когда я был... тем, кем был. И альтруизм в число моих недостатков точно не входит. А потому или вы сможете толково, четко и ясно объяснить мне, от кого надо вас защищать и почему я должен это делать, или пойдете вон. Скажем, в тот самый момент, когда кончится дождь. И можете мне поверить, у Эль Барро еще хватит сил, чтобы вышвырнуть вас отсюда.

Забавная логическая ямка. С одной стороны, открытым текстом говорит, что выкинет, с другой – есть время подумать, осенние дожди длинные... Посмотрим, как отреагирует.

– Меня предупреждали, что вы скажете что-то в этом роде, – вздохнула девушка. – Вот...

Откуда появилось письмо в ее руке, Торн не понял. Скорее всего, она его прятала в складках халата – учитывая разницу в сложении, халат отшельника позволял девушке спрятать под ним полный рыцарский доспех. И пони, чтобы его везти, кстати. Но пони в данном случае не наблюдалось, а вот конверт из плотной синей бумаги оказался на диво материальным и отвратительно мокрым, едва не расплываясь в пальцах. Впрочем, маг он или нет?

Секунду над конвертом колыхалось трепещущее марево, а когда заклинание закончило действовать, он оказался сухим, немного сморщенным и горячим. Пришлось даже перебросить конверт пару раз из правой руки в левую и обратно, чтобы охладить, и лишь потом Торн аккуратно вскрыл послание. Бумага отвратительно заскрипела под ножом, но сопротивления не оказала, позволив выудить на свет аккуратно сложенный лист из плотного пергамента. Надо же, а он-то, грешным делом, полагал, что после изобретения листов переработанной целлюлозы, дешевой и удобной, дорогой пергамент ушел в небытие меньше чем за десятилетие, и было это еще до его, Торна, рождения. Тем не менее, у кого-то появилось желание выпендриться, и это, кстати, плохо – в отличие от бумаги, которая в худшем случае покоробится, после экспресс-сушки пергамент становится излишне хрупким. Так что пришлось разворачивать его осторожно, чтобы не рассыпался.

К счастью, операция по извлечению и развороту прошла успешно, и пергамент наконец предстал перед Торном во всей красе. То, что посылавший его редкий аккуратист, было ясно с самого начала, уж больно точно складывали лист, будто по линейке углы подгоняли. И само послание выглядело соответствующе, буквы ровные-ровные, словно кто-то их нанизывал на тонкую, невидимую струну. Очень характерный почерк, Торн не видел его уже много лет... И предпочел бы вообще никогда не видеть.

Здравствуй, старый враг! Удивлен? Я не вижу твоего лица, но знаю – удивлен. Впрочем, если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых, а потому нет и смысла разливать мыслию по древу и упражняться в остроумии. Мне уже все равно, а ты, я знаю, не из тех, кто бежит через полмира только ради сомнительного удовольствия плюнуть на чужую могилу. Хотя, конечно, если идти недалеко, плюнешь обязательно. Хе-хе...

Ладно, к делу. Девушка, которая передаст тебе это письмо, моя дочь. Моя – и человеческой женщины. Ты знаешь, как у нас относятся к полукровкам, и знаешь, что они не наследуют всех достоинств нашего племени. Очень жаль, кстати, поскольку в грядущей клановой войне пощады не будет никому. Ты прекрасно знаешь, даже нам, высшим, очень сложно уцелеть в этих битвах, а уж полукровка и вовсе обречена.

К сожалению, у меня нет друзей, поэтому я вынужден обратиться к врагу. Врагу честному и наверняка помнящему, кому он обязан жизнью. За тобой долг, Торн, и я прошу в качестве оплаты помочь моей дочери. Не защищать ее, это самоубийство, но хотя бы спрятать на некоторое время, пока все не утихнет. Вот, в принципе, и все. Прощай.

Подписи не было, равно как и печати, да и не требовались они. Отшельник слишком хорошо знал единственного, кто мог это написать. И, надо сказать, особого траура по его смерти объявлять не собирался. Впрочем, и радости от нее не испытывал – это и впрямь был честный и сильный враг, другие такого всю жизнь ищут. И долг, про который он писал, тоже никуда не делся.

Торн медленно встал, обошел стол и бесцеремонно приподнял двумя пальцами губу девушки. Так смотрят зубы у лошадей те, кто считает себя знатоком. Именно считает, настоящим знатокам на чужие зубы смотреть не требуется, они больше о безопасности собственных заботятся, а возраст лошади и без того видят сразу.

Гостья дернулась, вряд ли ей было приятно, но смолчала. Умненькая девочка. Что же, Торн увидел то, что ожидал. Клычки. Заметно длиннее человеческих, но короче, чем у отца, если не присматриваться – не заметишь. Похоже, она и есть. Отшельник вздохнул:

– Ну что же, наследница вампира, рассказывай, как ты меня нашла? Я-то надеялся, что в этой глуши мне удастся скрыться от чужого внимания.

– А вот так, – девушка сунула руку за отворот халата. Зрелище получилось... Да уж, измученному воздержанием (ну, это окружающие так думают) отшельнику полагалось бы слюнки пустить от возжелания. Очень выверенное движение, и халат подраскрылся ровно настолько, чтобы ничего не показать, но в определенном направлении мысли собеседника повернуть. Ох уж эти женские уловки. Как же, проходили. Много лет назад, и с куда более опытными кумушками. На Торна подобное не действовало уже давненько. Так что не повелся бы, даже забудь вдруг, что напротив сидит хищник, опасный даже для него. Одно хорошо – крови ей не нужно.

На шее девушки, на тонком, но прочном шнурке из непонятного материала висел амулет. Тоненькая деревянная пластинка. Торн втянул носом воздух. Сосна. Хорошо высушенная, отполированная, покрытая лаком, но все равно, запах не отобьешь. Странно, такое дерево для амулета вроде бы не слишком подходит – хрупкое оно. Вернее, магии-то плевать, на какое дерево садиться, но при такой толщине сосна может просто расколоться. А расколовшийся амулет – так, деревяшка никчемная.

– Что за игрушка? Я вроде бы от всего экранировался.

– Магия крови.

Угу, вот теперь и впрямь понятно. Берется капля крови, наносится на амулет. Дерево тут и впрямь лучше всего подходит, оно кровь впитывает, это с камня ее смыть легко. Потом накладывается поисковое заклинание – и вуаля! Откуда только кровь взяли, интересно... Впрочем, для вампира незаметно добыть чуть-чуть крови не так и сложно. И экранироваться от этой магии надо иначе, а он, Торн, даже не подумал о такой возможности.

– Ясно, – Торну вдруг жутко захотелось спать. – Значит, война, и твой отец решил спрятать дочь куда подальше. Весьма разумно с его стороны. Детали расскажешь потом, время еще будет. Выгонять тебя не стану, все же я должен твоему папаше самую малость – жизнь. Так что поживешь у меня, – а потом резко, глядя в глаза девушке, спросил: – То, что

написано в письме, правда?

Мага обмануть, конечно, можно, но сложно. Особенно если задействовать вместо одного классического, всеобъемлющего и громоздкого, несколько простеньких заклинаний разной структуры. Это тяжелее, зато надежнее, именно так учила Торна мать. Собственно, она такую методику и разработала – в свое время едва не погибла из-за того, что враг обошел классическое заклинание, вот и научилась подстраховываться на все случаи жизни.

Девушка моргнула от неожиданности, потом кивнула и пробормотала под нос, что да, правда. Получилось зло – все же Торн ухитрился ее ошарашить, и сейчас это вкупе с раздражением после путешествия под дождем по грязной лесной дороге, да еще и ночью, вылилось в обиду. Однако мага чувства гостыи не интересовали, главное – она не врала, и Торн успокоился.

– Тогда спать, – он с трудом сдержал зевоту. – Вон там есть комната для гостей, в ней все, что нужно. Захочешь есть – сама возьмешь на кухне, что увидишь. И да... – уже на лестнице Торн остановился, поглядел на все еще сидящую за столом девушку. – Тебя как зовут-то?

– Меня не зовут, я сама прихожу, – девушка с вызовом посмотрела ему в глаза и упрямо выпятила подбородок.

– Хорошо, мадемуазель Я Сама Прихожу, иди спать, утро вечера мудренее.

Утром Торн, несмотря на вчерашние возлияния и ночные бдения, чувствовал себя бодрым и на удивление хорошо отдохнувшим. Наверное, виной тому были полог тишины, который он все-таки решил поставить на случай появления новых гостей, и хороший защитный барьер на дверь и окна. Ну, это так, чтобы в комнату никто не вошел, все же гости – это хорошо, но доверять им можно далеко не всегда.

Внизу было темно и тихо. Очевидно, юная вампирша (или, точнее, дамфирша, если придирается к словам) и впрямь умаялась, раз все еще не проснулась. А ведь снаружи был уже день, в этом можно было убедиться, попросту распахнув ставни. То, что вампиры ночные существа, не более чем суеверие – они одинаково хорошо чувствуют себя в любое время суток. Просто в обыденной жизни удобнее бодрствовать днем, а вот воевать как раз наоборот. В результате в любом городе можно найти пару-тройку вампиров, живущих жизнью обычных людей, и никто не подозревает, что они не те, за кого себя выдают. Единственный минус – кровь, в которой эти существа нуждаются, иначе нарушается их обмен веществ, но и тут все решается. В конце концов, кровь животных ничем не отличается в плане усвояемости от человеческой, надо ее совсем немного, пару ложек в неделю, а острый приступ голода всегда можно задавить банальным плохо прожаренным бифштеком. Так что любовь вампиров к питию из горла, причем человеческого, не то чтобы байки, а, скорее, описание моральных уродов, таким образом демонстрирующих свое превосходство над людьми и самоутверждающихся. Кстати, эти умники обычно плохо кончают – вампир, конечно, быстр и силен, но толпа крестьян с тяжелыми осиновыми кольями в два счета сначала переломает ему все кости, а потом сожжет бездыханное (а если очень не повезет, то еще дышащее) тело на костре из все тех же многострадальных кольев. Тоже, надо признать, суеверие. Никакими особыми преимуществами в плане убийства кровососов осина перед другими материалами не обладает, однако же – традиция.

Ну что же, теперь придется готовить завтрак. Торн дико не любил этим заниматься, предпочитая обходиться бутербродами, но тут вроде как гостыя, поэтому никуда не денешься. Так что когда девушка, зевая, потягиваясь и поводя носом на вкусные запахи, выбралась из

своей комнаты, она обнаружила хозяина, прыгающего вокруг плиты в изрядно засаленном фартуке. Надо сказать, мало кто мог похвастаться, что видел Торна в столь неподобающем мужчине и магу виде.

Увы, спокойно позавтракать ему сегодня было не суждено. Пока так и оставшаяся безымянной гостя умывалась, точнее, плескалась в душе (артезианская скважина с избытком обеспечивала дом Торна водой, оставалось только приспособить несложное бытовое заклинание для регулирования ее температуры), прошло изрядное время. А если его тянуть, то рано или поздно обязательно что-то случится. В данном случае это был стук в дверь.

Двое крестьян в заляпанных грязью лаптях, призванных, очевидно, продемонстрировать, что с деньгами у них совсем швах, неуверенно топтались у крыльца. При появлении Торна оба поклонились в пояс:

– Батюшка помирает. Взглянули бы, ваша милость...

Ну, почему бы и не взглянуть, тем более, телега с густо облепленными грязью колесами стояла почти рядом. Как они ее протащили по раскисшей дороге? Точнее, как справилась с этим худая, заморенная лошаденка? Нет, до деревни всего ничего, конечно, но дорога... Коняшку жалко.

Торн спустился с высокого крыльца, мимолетом отметив, что лапти лаптями, а одежда на мужиках пусть и неброская на вид, но весьма даже добротная. К такой больше подходят крепкие сапоги, и наверняка у просителей они имеются. Вот только хотят выглядеть нищими и убогими. Все как всегда, в общем. Хотя, может статься, просто не хотят портить обувь в непролазной грязи, лапти же, в отличие от сапог, практически ничего не стоят – в доме любого крестьянина их сплетут быстро и вполне качественно.

Размышляя подобным образом, отшельник подошел к телеге, заглянул и с интересом посмотрел на лежащего в куче соломы, влажной от стоящей в воздухе сырости, мужика. Невысокий, но широкий настолько, что не в каждую дверь протиснется, на вид лет сорок пять, черная, без единой нитки седины, бородища едва ли не до бровей. Торн видел его раньше, но вспоминать, кто это, совершенно не тянуло. Много их в округе, всех крестьян запоминать – головы не хватит. Куда интереснее, что же с этим бугаем случилось.

Да уж, видок у мужика был неважный. Лицо, там, где его не скрывала густая растительность, бледное аж до синевы. Поза скрюченная. И впрямь хреново, видать, плюс в телеге наверняка растрясло, плюс одежда, хоть дождя и нет, мокрая насквозь... Брезгливо ткнув в сторону пациента согнутым пальцем, Торн небрежно бросил:

– Раздеть.

Мужики, толкаясь и мешая друг другу, бросились исполнять приказ. С больного стянули верхнюю одежду, рубаху... Торн поморщился – запах от мужика исходил вполне ожидаемый. Запах больного человека. Впрочем, некоторые городские и здоровые пахли куда хуже – все-таки крестьяне традиционно следили за чистотой.

Отшельник встряхнул кистями рук, разминая их и заставляя кровь течь быстрее, склонился над пациентом. От кончиков пальцев к телу крестьянина устремились десятки энергетических нитей, абсолютно невидимые обычными людьми и явственно различаемые любым магом. Коснулись тела, легко прошли сквозь кожу... Торн скривился от вполне ожидаемых, но от того не менее неприятных ощущений. Когда целитель вот так сканирует пациента, он чувствует его боль. Не так, как сам пациент, разумеется, слабее, приглушеннее, но все же. Именно поэтому проводить диагностику напрямую не любит никто, и

большинство предпочитают при каждом удобном случае обходиться внешним осмотром. Зато такой способ быстр и дает четкую картину заболевания, а раз так, то, по мнению отшельника, можно и потерпеть. Зато исключается ошибка, а своей репутацией Торн дорожил. Пускай даже речь идет всего лишь о крестьянине.

Ну вот, далеко ходить не нужно. Причина болезни лежала, что называется, на поверхности. Выпил мужик. Не то чтобы много, а так, в меру. Закусил. Хорошо закусил. Жирное мясо, похоже, свинина, ядреный лук свежего урожая. Хотя какой он еще может быть осенью? С любыми двумя раздражителями организм справился бы без проблем, но три – это уже слишком, чай, не мальчик. Вот и объявил протест, поджелудочная не выдержала. Пара дней – и само пройдет, но, похоже, непривычный к такому обладатель могучей тушки запаниковал. Оставалось только провести диагностику до конца, убедиться, что во всем остальном он здоров, как лось, и с глубокомысленным видом сказать:

– Пять беленьких.

– Ваша милость! – в голос взвыли крестьяне. – Рази ж так можно...

– Нельзя, – кивнул Торн. – Шесть.

Ну и кто сказал, что мужики не понимают намеков? Живо прекратили бухтеть и полезли за кошелем. И то сказать, шесть серебрушек – совсем немного, в городе лечение стоило бы не меньше пары золотых. Так что Торн был, можно сказать, благотворителем. Честно говоря, мог и вовсе бесплатно сделать, не так уж это и тяжело, а в деньгах он, далеко не бедный и скромный в запросах, не нуждался. Но – каждый труд должен быть оплачен, этому (а также и многому другому) его отец учил с применением самых передовых методов педагогики, именуемых ремнем.

Само лечение заняло пару минут, не более. Удалить из организма избыток вкусной и нездоровой пищи (больной, выпучив глаза и забыв обо всем, метнулся в кусты, где его прополоскало во все щели, хорошо еще, штаны снять успел), заблокировать негативные ощущения, аккуратно восстановить нарушенное болезнью течение энергетических потоков. Все, остальное крепкий и в целом здоровый организм сделает без посторонней помощи, незачем ему мешать. Мужики кланялись подобострастно, но, когда думали, что маг их не видит, смотрели на Торна зло. Наверняка не могли простить, что не стал помогать забесплатно. Хотя, кстати, за последние годы могли убедиться, что халява здесь не проживает. И вообще, восприятие крестьян сродни детскому. Помог им маг – все, он добрый волшебник, не помог – злой колдун, на костер его! Если, конечно, он их сам раньше не спалит. А вот в такой ситуации, когда вроде и помог, но не за просто так, они не знают, как реагировать, теряются и от подспудного осознания собственной неполноценности злятся еще больше.

Впрочем, Торна особенности шевеления толстых извилин в чужих мозгах волновало в последнюю очередь. Проводив взглядом уезжающих крестьян (лошадь он, незаметно для всех, тоже подлечил, а то левая задняя нога у нее слегка опухла, ну и подстегнул ей обмен веществ – не то чтобы это что-то меняло, но пройти по тракту ей на этот раз будет легче), отшельник вздохнул и зашлепал по раскисшей тропинке обратно к дому. Все же на улице было редкостно мерзко.

Гостья ждала его на ступеньках крыльца, все так же одетая в его халат и босиком. Вся такая чистая, свежая, что хотелось облизнуться, но отшельник подавил сие недостойное желание.

– Кто это был?

– Местные. Лечиться приезжали. Иди в дом, пятки отморозишь.

Девушка открыла рот, чтобы то ли согласиться, то ли возразить, но не успела. Вновь послышался скрип несмазанных тележных осей, и во двор медленно вкатилось еще одно средство передвижения.

Вид у новой телеги был столь же неухоженный, как и у первой. Разве что колеса не настолько грязные. По характерному серому цвету колес Торн моментально определил, что вновь прибывшие ехали с другой стороны – там дорога шла по более высоким местам, через сосновый бор, и почва в нем была не глинистой, а подзолистой. Соответственно и кобыла, такая же беспородно-крестьянская, как и в прошлый раз, выглядела несколько менее заморенной. Да и сами гости заметно отличались от предыдущих.

– Иди в дом, – не оборачиваясь, бросил Торн, рассматривая пятерых крепких мужчин отнюдь не крестьянского облика. Больше всего они были похожи на банальных наемников, солдат удачи, которых хватает в любой точке мира. Одежда из толстой кожи, судя по движениям и звуку, под нее поддеты кольчуги. Моторика совсем не крестьянская. У двоих тяжелые топоры из тех, что так любят северные варвары-пираты. На взгляд Торна, не самое удобное оружие, но в руках этих двоих смотрящееся весьма органично. Еще трое щеголяют с мечами, правда, не самой лучшейковки – уж это маг сумел определить моментально, хотя оружие пока что не покидало ножен. И, что ему больше всего не понравилось, у всех арбалеты – тяжелые, боевые, не игрушки, с которыми любят иногда путешествовать женщины, и не охотничьи. Наконечники болтов – как шило, острые, граненые, такими легко пробивать кольчуги, а при удаче и тяжелый рыцарский доспех проломить можно. Нет, не нравились Торну визитеры, категорически не нравились. И если вдруг придется схлестнуться с ними, лучше, чтобы никто под ногами не путался.

– Еще чего!

Торн не глядя, спиной ощутил, как девушка мотнула головой и упрямо вздернула подбородок. Если она будет продолжать в том же духе, этот жест скоро будет его бесить.

– Иди. В. Дом, – с расстановкой и ударением на каждом слове повторил отшельник.

– Нет-нет, пускай девушка остается, – вмешался в чужой разговор один из вновь прибывших. Очевидно, он у них был за главного. Высокий, симпатичный мужчина лет двадцати восьми – тридцати. Такой должен бабам нравиться. И улыбается весело, открыто, располагающе. Только вот Торн, видя его равнодушные прозрачные глаза, не верил в такую улыбку ни на грош. С таким же добродушным выражением на физиономии этот тип и глотки будет резать. Встречали когда-то и таких умников. На взгляд Торна, ничего плохого в этом не было, он и сам умел неплохо лечить не только от смерти, но и от жизни. Вот только к незнакомому человеку с такими глазами лучше не поворачиваться спиной.

– Молодой человек, а кто вы такой, чтобы командовать? Пришли тут незванным...

Договорить фразу Торну не дали, причем ухитрившись прервать его речь самым хамским образом, выпустив прямо в лицо арбалетный болт. Отшельник чуть не зевнул, настолько все оказалось предсказуемо. Понятное дело, нет человека – нет проблемы, но хамить-то зачем?

– Услуги по лечению дистрофии мозга я тоже оказываю, – равнодушно заметил Торн, внимательно разглядывая замершую на расстоянии в две ладони от собственных глаз стрелу, завязнувшую в своевременно выставленном магическом щите. Хорошую, кстати, стрелу, тяжелую, целиком из железа, разве что наконечник подкачал. Судя по синеватому отливу, его перегрели при заточке, ну да не страшно, на один выстрел сойдет. – Но если вы за этим пришли, то предупреждаю сразу – я не лучший специалист в королевстве, и услуги мои стоят

дорого.

– Слышь, этот урод – маг, – сообщил один из наемников другому лежащую на поверхности истину. – Нам за магов не платили.

– А ну, цыц! – рявкнул на них предводитель, моментально растерявший весь лоск. Все правильно, магов положено если не бояться, то уж опасаться точно. И не связываться с ними без особой нужды. – Вы нас извините, ребята случайно, с кем не бывает...

Очень логичное поведение, очень. И говорит совсем иным тоном, вежливо и чуть ли не подобострастно. А все почему? Да потому, что связываться не хочет и пытается представить дело как случайность. Если маг не жаждет драться, то сделает вид, что поверил, и тогда есть шанс разойтись миром. Вот только Торн пока не знал, поступить ему согласно заветам жреца какого-то непопулярного бога, обосновавшегося в соседней деревне и призывающего возлюбить ближних и заняться всепрощением, или последовать недвусмысленной подсказке собственного опыта и оторвать нахалам головы. Он, в смысле, опыт, утверждал, что мертвые не кусаются, хотя некроманты и могли бы с ним аргументированно поспорить.

– Отпущу, если ответите на пару вопросов, – компромиссное решение. В конце концов, было интересно, кто послал этих бобиков и как они его нашли. Притом что приехали-то не по той дороге, которой воспользовалась гостья.

– Кто наниматель, не скажу, – сразу предупредил собеседник. – Сами знаете, кодекс.

– А придется, – отшельник улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок. Наемник моментально спал с лица – видать, гримаса удалась. А что кодекс наемника многое запрещает – так это не его, Торна, проблемы.

– Да что ты церемонишься, вали его! – все тот же нетерпеливый парнишка, который нелестно отозвался о внешности Торна, снова попытался влезть в разговор. Предводитель скривился, будто лимон раскусил, отшельник ему даже посочувствовал малость. Вот ведь незадача, дурак в команду затесался. Ну да что поделывать...

– Имей в виду, этого не отпущу, – Торн небрежно кивнул в сторону хама. – Очень хочется посмотреть, какого цвета у него ливер.

А вот дальнейшего отшельник не ожидал. Ощущение было такое, словно на голову упала гранитная плита. Торн дернулся, пытаясь избавиться от наваждения, и вдруг обнаружил, что сидит на земле, очумело мотая головой, а наемники столпились вокруг. Один уже держал девушку, выкрутив ей руки так, что она дернуться не могла от боли. Правда, судя по перекошенным физиономиям, царапинам и синякам на лицах незваных гостей, достать она смогла как минимум троих. Но – не убила, что странно. Зная, на что способен дампир, в бою Торн поставил бы, скорее, на девушку.

– Ваша милость, – издевательски улыбнулся предводитель то ли отряда, то ли шайки. Сейчас он выглядел совсем иначе, стоял, заложив большие пальцы за ремень, и говорил без малейших признаков вежливости. – Уж извините нас, но мы сейчас уйдем, а вы сидите здесь и не дергайтесь, а то разозлимся. – И с силой ударил Торна ногой по лицу.

Вот это он зря. Хочешь убивать – убивай, пока есть возможность, но оскорблять мага глупо и рискованно. Торн усилием воли подавил бешенство, привычно потянулся к Силе – и понял, что не чувствует ее. И все сразу же встало на свои места.

Эффект удара – это когда исчезла магия, для любого, владеющего Силой, подобное крайне болезненно. Куда исчезла? Скорее всего, наемники воспользовались каким-то амулетом, блокирующим ее. Крайне недешевая вещь, да и срабатывает только в случае, если маг не готов, иначе такого рода атака отбивается даже новичком. А он, Торн, за годы жизни в

глуши слишком расслабился, да и эти сволочи оказались с мозгами, разыграли бесхитростный спектакль и зубы ему заговорить сумели. И почему не добивают, тоже ясно – рано или поздно погибшего мага хватятся. Как поступит в подобной ситуации Гильдия магов, сказать не возьмется ни один эксперт. Может, спустит дело на тормозах, а может, устроит показательную месть, чтоб другим неповадно было. Скорее, правда, первое, но в любом случае, маг, выставленный на посмешище, предпочтительнее трупа. Силы вернутся только через несколько часов, за это время мерзавцы успеют уйти...

Все эти мысли пролетели в голове Торна быстрее, чем два раза ударило сердце. Как ни странно, отшельник успокоился. Не собираются убивать – само по себе неплохо. Оскорбили – да, но отомстить можно и через год, и через десять. И вообще, месть – блюдо, которое надо подавать холодным. Касаемо же гости – так он класть голову ради ее спасения не нанимался. А потом Торн поймал наполненный тоскливой безнадежностью взгляд девушки, понял, что не сможет простить себе малодушия, и выпустил Зверя.

Предводитель наемников умер прежде, чем успел хоть что-то осознать. Коготь, острый, как игла, и крепкий, как сталь, вошел ему под подбородок и вышел из затылка. Обратное движение – и тот, который подыгрывал своему командиру, сложился пополам, пытаясь удержать вывалившиеся из расплосованного брюха порванные кишки. Торн видел это уже боковым зрением, поскольку как раз занимался отрыванием головы того урода, что вцепился в девушку. Оторвал, естественно, и запустил очень удобным снарядом в одного из уцелевших, которые еще ничего не поняли, но уже рефлекторно поднимали арбалеты.

Результат не заставил себя ожидать – выстрел произошел моментально, однако болт вонзился в землю буквально в трех шагах от ног стрелка и бесследно канул под слоем дерна. От второго, правда, все же пришлось уклоняться, но это было просто – движения врагов, как всегда в таких случаях, казались замедленными и вялыми, словно осенние мухи. Прыжок вперед! Раз-два, кровавые брызги веером... Заржала, точнее, завизжала испуганная лошадь, и все как-то разом успокоилось.

– Кажется, я перестарался, – задумчиво пробормотал Торн, обращаясь исключительно к самому себе. Слова выходили замедленно – отшельник был занят, загоня в глубь себя Зверя. Зверь сопротивлялся, но тренированная воля мага была куда сильнее. Справившись наконец с этой задачей, он поднял взгляд и увидел выпученные глаза девушки. Как они у нее не выпали, машинально подумал Торн. Второй мыслью было, что ее смущает его внешний вид – все правильно, он ведь сейчас в чем мать родила. При метаморфозе пропорции тела изменяются, и одежда расплзается на лоскутки. И лишь затем до мозга доползло понимание: она же, наверное, не знала, кто он такой!

– Слушай, успокойся, все нормально. – Ну, нормально – это он покривил душой. Нормально было бы, если бы удалось взять пленных и вдумчиво их допросить с применением... ну, скажем, докрасна раскаленной кочерги. Если ее сунуть в задницу собеседнику, то его откровенности это весьма способствует. Заодно и геморрой лечится – проверено. Но – увы, справиться со Зверем в тот момент, когда метаморфоза только-только завершилась, очень сложно, а сам бой длился всего-то около двух секунд.

– Ва-ва-ва... – Челюсть девушки непроизвольно дергалась. Как-то не похоже это на дочь вампира. Торн вздохнул и буркнул:

– Марш в дом, замерзнешь. И ототри с себя кровь.

Как ни странно, забота о внешнем виде сработала. Дробно простучали по ступеням крыльца босые пятки, и несколько секунд спустя раздался свирепый гул льющей воды.

Торн вздохнул: ну все, теперь, как истинная женщина, полчаса оттираться будет. Вот так всегда, проявишь благородство, пустишь даму вперед – и сам останешься без возможности нормально помыться. Впрочем, он не гордый, обойдется подручными средствами. С этой мыслью отшельник легко поднял десятиведерную бочку с дождевой водой и опрокинул ее на себя. Ледяные струи окатили его с головы до пяток, смывая грязь, кровь и плохое настроение. А в самом деле, если вдуматься, растительное существование последних лет его изрядно достало, и сейчас он почувствовал давно забытую мелодию кипящей в жилах крови. Как же все-таки здорово жить!

Когда гостья, вытирая густые волосы огромным полотенцем, вошла в комнату, Торн ел. В смысле, не дожидаясь ее, уселся за стол и принялся кидать в рот все, до чего дотягивался. Метаморфоза требовала много сил, и каждый раз после нее ощущался жуткий голод, а он еще с утра позавтракать не успел. Неудивительно, что некоторые срывались и начинали жрать еще теплые тела врагов. Редко, конечно, но именно таким эпизодам племя Торна и обязано было в свое время дурной славой. И не зря их всех с раннего детства обучали самоконтролю – не стоило без нужды ее возрождать.

– Почему ты их не убила? – спросил Торн и отправил в рот маленькую, но толстую оладью, густо политую вареньем. По подбородку разом потекло масло, и отшельник, собрав остатки воспитания, не облизнул его, а аккуратно промокнул салфеткой.

– А? – девушка выглядела удивленной и очень бледной, даже горячая вода не прибавила румянца на ее щеках, хотя даже истинный вампир, не полукровка, краснеет и бледнеет абсолютно так же, как и обычный человек. Видать, хорошенько ее встряхнуло, хорошо еще, истерика закончилась в зародыше.

– Не строй из себя оскорбленную невинность, ладно? Это были самые обычные люди, ты могла их порвать не хуже меня. Почему ты этого не сделала?

И тут она зарыдала. Искренне, самозабвенно... И глядя на крупные, как горошины (надо же, а Торн всегда считал, что вампиры не плачут), слезы, он запоздало понял – она же еще никого и никогда не убивала! Идиотизм. Вампирша, не видевшая трупов. Домашняя девчонка, которую никогда не били, которой никогда не выкручивали рук... Куда катится мир!

– Ну-ну-ну, – пришлось вылезать из-за стола, прижимать ее к себе, гладить по волосам, словом, делать все те глупости, которые почему-то действуют на женщин успокаивающе. – Все-все, это уже кончилось и не повторится. А если что, я буду рядом...

Она зарыдала еще сильнее, но это были уже обычные слезы. Истерика, решившая вдруг опять продемонстрировать свою гнусную способность начинаться внезапно, тихонечко отступала куда-то вглубь, на заранее приготовленные позиции. И с внезапной ясностью Торн понял, что последняя фраза оказалась лишней (дурацкие инстинкты!) и проблемы у него только начинаются.

Через полчаса они дожевывали остатки завтрака. Вначале девушку воротило от одного вида еды, но Торн настоял на ма-аленьком кусочке, справедливо рассудив, что здесь главное начать. Как оказалось, угадал, и сейчас гостья наворачивала так, что за ушами трещало.

– Послушай, – прервав увлекательный процесс пережевывания пищи, отшельник ткнул в сторону гостьи недожеванным куском хлеба. – Так ты что же, не знала, что идешь напрямиком в логово оборотня?

– А откуда мне было знать? – с набитым ртом отозвалась девушка.

– Ну, отец должен был тебя предупредить.

– Да я его в жизни не видела. Да и матери тоже. Воспитывалась в частном пансионе. А потом заявляется посыльный, я его знала, он раз в два-три месяца приходил, с подарками от папаша. Приносит письмо, деньги, амулет, сообщает, мол, так и так, надо рвать когти. Ну, я и...

– Что-то здесь не сходится, – задумчиво поскреб затылок отшельник. – В пансионе тебя обязательно должны были раскрыть.

– А они знали. Тот пансион на таких, как я, ублюдках других рас специализировался. И тайну хранить умели, естественно, за хорошие денежки.

– У-у, как все запущено... Похоже, дела у твоего отца и впрямь швах.

Девушка промолчала, вполне логично не став комментировать очевидное. Впрочем, Торн и не настаивал на обсуждении этого вопроса – как обычно, после еды настроение сменилось на лениво-благодушное. Откинувшись на спинку кресла, он несколько минут изучал до боли знакомый потолок, в котором знал уже, наверное, каждую трещинку. Проклятие, ну почему бурное прошлое никак не оставит его в покое? А с другой стороны, засиделся он уже на одном месте, пить от скуки много стал. Пора, пора заканчивать с растительным существованием и вспоминать, кто ты есть. А заодно уж и разобраться с внезапно свалившейся обузой, которая ставит его жизнь, а главное – честь под угрозу. Итак, вперед, разбираться со свалившимся на голову приключением. А потом... Потом и впрямь можно подумать насчет кафедры в каком-нибудь провинциальном университете.

– Хорошо, – Торн побарабанил твердыми пальцами по столу. Сухое дерево отозвалось мелодичным звуком. – В таком случае я сейчас прогуляюсь по лесу.

– Зачем?

– Хочу понять, откуда пришли эти умники, – и, опережая вопрос, пояснил: – Лошадь наверняка из деревни, есть тут неподалеку одна, в пять дворов. Да вот только сели они на телегу в другом месте.

– Почему?

– Да потому, что грязи на сапогах нет. На тележных колесах грязь лесная, но под ней глина. Немного, правда, зато свежая. А у них на сапогах глины нет, и одежда чистая, ни пятнышка – стало быть, телегу не подталкивали. Вот мне и интересно, где они прикопали хозяина транспортного средства, и вообще, откуда сюда заявились, красивые такие.

– Я с тобой.

– Смысл? – Торн не то чтобы удивился, но и впрямь не считал, что спутница будет ему полезна. – Я и сам неплохо справляюсь. Сиди в тепле, сохни.

– Страшно, – чуть потупившись, призналась девушка. – А за тобой... надежно.

– Гм... Я, вообще-то, оборотень.

– А они были убийцами.

– Скорее, похитителями, охотниками за головами, – задумчиво поправил Торн. – Ладно, не зря мне говорили, что глупо стараться переспорить жреца и переубедить женщину. Но чтоб в лесу слушалась меня. Говорю лежать – падай, говорю прыгать – прыгай. Ясно?

– Да, спасибо. И... меня зовут Кира.

Лес встретил их привычными запахами осеннего увядания и влажной свежести. Торн серой тенью скользил между стволами, с удовольствием втягивая воздух ноздрями и не заботясь о скрытности, однако все равно ни одна веточка не хрустнула под ногами, и лишь очень внимательный взгляд смог бы выделить среди успевшей пожухнуть листвы его размытый силуэт. Все это было вбито в него на уровне инстинктов, едва ли не с рождения, и

закреплено отцом, уделявшим воспитанию своего первенца поразительно много времени. Впрочем, именно этим их семья и выделялась на фоне многих других оборотней. Они, конечно, были индивидуалистами, но, в отличие от большинства сородичей, члены их клана очень крепко держались друг за друга.

Кира, одетая в мужской охотничий костюм, идеально подходивший ей по росту, только в плечах чуть широковатый (когда-то это был детский костюм самого Торна), держалась позади, и получалось это у нее... ну, здесь лучше всего подходил термин «так себе». У обычного человека это получилось бы куда хуже, чем у обладающей отменной реакцией и врожденной координацией движений полувампириши. Вот только достоинства не отменяли простого факта – по лесу ходить девушка не умела. Соответственно, на взгляд Торна, она ломилась с ужасающим треском и, вдобавок, двигалась очень медленно. Однако для людей, если что, сойдет, у них уши, нос и прочие части тела куда менее чувствительны, чем у оборотня, поэтому отшельник не слишком беспокоился. Единственно, раздражало, что незадачливая путешественница тормозила его движение, но с этим приходилось мириться.

Место, где наемники уселись на телегу, нашлось поразительно быстро. Несчастный час ходьбы – и вот вам, пожалуйста. Нет, они, конечно, старались оставлять поменьше следов, но специально их не маскировали, и потому Торну даже принохиваться лишней раз не пришлось. Вот сломанные ветки, вот следы... А вот и крестьянин, труп которого не потрудились даже прикопать. Просто сбросили в удачно подвернувшуюся яму у вывороченных корней упавшей березы да сверху бросили несколько веток. Издали не увидишь, сразу не найдешь, а через неделю он и разлагаться вовсю будет, и мишка какой заинтересуется. Медведи – они тухлятину обожают. В общем, разумное решение, особенно если учесть, что задерживаться здесь наемники явно не собирались.

Заниматься похоронами совершенно чужого тела отшельник тоже не собирался. Лишь немного добавил шагу, ориентируясь больше на обоняние – так выходило куда быстрее, чем обшаривать глазами лес в поисках следов. А еще четверть часа спустя он остановился и, выбирая выражения (все же рядом дама), выругался.

– Что случилось?

Надо же, не отстала, хотя на последнем участке Торн малость добавил шагу.

– Опоздали.

– Куда?

– Не куда, а к кому. Этих умников здесь ждали, следы портала видны отчетливо. Открывали его полчаса назад, не более. Скорее всего, тот, кто это сделал, выждал контрольное время и отступил подальше от греха. На его месте я поступил бы точно так же. Если бы я не устраивал перекус, а сразу рванул на поиски, то взял бы их мага тепленьким...

Говоря это, Торн не терял даром времени, в хорошем темпе раскладывая амулеты для небольшого обряда. Хорошо еще, походную сумку взять не поленился. Да, беглеца не догнать, но можно отследить вектор, по которому тот открывал портал, а если повезет и удастся оценить вложенную в заклинание силу, то и конечную точку определить шанс имеется. Правда, точность будет плюс-минус фонарь, но это уже мелочи.

Привычно вспыхивают линии пентаграммы... Так узор называют, скорее, по традиции, у него больше двух десятков углов, и напоминает он обожравшуюся пива звезду, но это неважно. Тонкие огненные линии посреди сырого леса выглядят необычно и чуть жутковато, но Торн на подобное не обращает внимания. Он сосредоточен на удержании заклинания, которого не творил уже несколько лет. Сила утекает стремительно, надо торопиться, он ведь

не архимаг с практически неограниченными источниками. Накатывается легкая слабость, однако и это привычно, можно перетерпеть. Ну вот, кажется, закончил...

– Пошли, – Торна ощутимо шатнуло. – Делать здесь больше нечего.

– Что-то узнал?

– Поняла, что я делал? – вопросом на вопрос ответил маг, остро взглянув на спутницу.

– Колдовал, это и так понятно.

– А-а... Ну, в общем, пытался узнать, куда открывался портал. К сожалению, тот маг поставил неплохую защиту, так что я смог определить только общее направление. Куда-то на север, но угол рассеивания больше сорока градусов. Лучше чем ничего, но меньше, чем нужно.

Два часа спустя они вновь сидели за столом и ели, правда, на сей раз всухомятку – готовить не хотелось категорически, а пускать на свою кухню кого бы то ни было Торн не собирался. Впрочем, гостя оказалась непривередлива, чему способствовали и усталость, и то, что она успела продрогнуть на влажном и сыром осеннем воздухе. Так что холодное мясо, хлеб, подогретое вино со специями... Торн не очень его любил, оно сильно отбивало нюх, однако хорошо согревало.

– ...кем бы ни были эти скоты, вряд ли за ними стоит кто-нибудь серьезный.

– Почему?

– Кира, ну ты сама подумай. Серьезный человек и людей бы послал серьезных, а не маленький отряд при одном маге. Не боевом, заметь, иначе он пошел бы с ними и разделал меня под орех. Вдобавок, никакой разведки. Они не знали, ни кто ты, ни кто я, иначе бы действовали совсем иначе. Уровень не слишком богатого дворянчика, чиновника средней руки, офицера в невысоких чинах... хотя нет, тот сработал бы грамотнее. Так что не все так страшно, как может показаться. Но вот в покое нас точно не оставят.

– Почему?

– Да потому, что если такая мелкая сошка тебя нашла, то кто-нибудь посерьезнее справится с этим намного быстрее. Где-то ты наследила. А искать тебя будут наверняка.

– И что делать?

Ну, все, вот она, пресловутая женская логика, во всей красе. Вначале вляпаться, а потом свалить решение проблем на мужчину. Впрочем, ладно, раз уж взялся защищать, нечего жаловаться.

– Отдыхать. Будем надеяться, до завтра к нам не сунутся. Да и защиту я поставлю. Трупы, опять же, в лес утащу, нечего им здесь ландшафт портить. А утром двинем к моим родителям. Уж кто-кто, а они дурного не посоветуют. Главное, чтобы ты им понравилась, а то они у меня – ух! – и Торн рассмеялся собственной немудреной шутке.

Кира лишь вздохнула, но спорить не стала. Она вообще уже клевала носом – сказывались ночной недосып, усталость и полный желудок. Так что Торн отправил ее спать, а сам занялся убитыми. Ну и трофеями, опять же. Срезал кошельки, в которых, правда, нашлось немного, с пальца старшего снял перстень с большим, хотя и не очень качественным, рубином. Правда, тот носил его, очевидно, уже давно, перстень аж врос в мясо, пришлось отрезать палец. Оружие собрал, кольчуги. Протер, высушил, смазал, прибрал, заодно полюбовался на целую коллекцию подобных трофеев. Много их было – тех, кто пытался его, Торна, убить. Лошадь, опять же, обиходить – животное не виновато, что оказалось в центре человеческой драки. За всеми этими занятиями не заметил, как закончился день, так что легкий перекус – и спать, поскольку утром предстояла дорога.

Глава вторая, в которой героя ждет дальняя дорога и знакомство с деревенскими нравами

*Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чем конюх говорил, они не понимали.*

Король и шут

Когда-то Торн любил дорогу. Потом, в досталь попутешествовав, он ее возненавидел. Позже, хорошенько повзрослев и заматерев, начал относиться к дороге равнодушно, как к неизбежному злу. А сейчас он понял, как соскучился по ней, и тот факт, что отъехали они всего-то на несколько миль, ничего не менял. Ну и что, что он за грибами ходил дальше, а в деревни за продуктами тем более. Все это были прогулки, а сейчас осознание того, что впереди много дней пути, настраивало его на восторженный, как в молодости, и немного философский лад.

В отличие от мага, Кира была не слишком довольна. Она бы не отказалась еще несколько дней отдохнуть, выспаться в тепле и сухости, прийти в себя, но – увы, те, кто прислал наемников однажды, могли заявиться и вторично, причем большими силами. Девушка понимала это и не роптала, лишь куталась поплотнее в теплый плащ. Этот реквизированный у Торна предмет гардероба оказался весьма кстати, и девушка даже начала задремывать – выехали-то они ни свет, ни заря, солнце только-только осветило верхушки сосен, и внизу, под их кронами, царил загадочный полумрак. Глядя на нее, Торну и самому хотелось зевнуть, но в свете последних событий он не мог себе этого позволить. Кто-то же должен бдеть, вот и пришлось ему взять на себя эту функцию, поскольку от сонной недовампирши толку было мало.

Конечно, проще всего с точки зрения мага было не месить грязь, а открыть портал в заданную точку. К примеру, во двор родительского дома. Увы, как раз этим заклинанием Торн не владел. Точнее, владел, само по себе оно простое, но талантами не отличался. Даже обидно – мать в молодости, пока отца не встретила, работала как раз телепортистом, а вот у сына не хватало таланта удержать портал стабильным больше нескольких секунд. Соответственно и пользоваться им было небезопасно, тем более вдвоем. Потому и решил Торн добратся до Малого Грязевца, небольшого села, тем не менее, носившего гордый титул города, где согласно этому статусу имелся штатный телепортист. А что, полтора дня езды всего, зато оттуда уже куда угодно, быстро и безопасно, поэтому запереть дом, задействовать его защиту, чтобы кто попало не лез. И вперед!

Лошадь шла на удивление ходко – отдохнула за ночь, да и отъелась так, как никогда, скорее всего, не ела в родном стойле. Торн не пожалел овса, он вообще к животным относился на редкость лояльно. Наверное, потому, что хорошо знал людей. Ну а на тех участках, где колеса начинали застревать в грязи, маг спешивался и двигался по обочине, Кира же со своим цыплячьим весом проблемы для лошади не представляла, это вам не пятеро наемников. Вот и получилось, что в ближайшую деревню они приехали уже к обеду,

хотя Торн надеялся добраться сюда в лучшем случае на пару часов позже.

Деревня выглядела как обычно. Узкая улица, летом пыльная, а сейчас, сообразно времени года, грязная. Покосившиеся, вросшие в землю и потемневшие от времени маленькие домики... Их хозяев Торн откровенно не понимал. Лес кругом, запрета на порубку нет. Стройте себе хоть о трех этажах хоромы. Опять же, совсем рядом, на берегу реки, мощные выходы известняка. Для фундамента – милое дело. Тяжело таскать? Так скиньтесь да наймите мага. Хотя бы вот его, Торна – он не откажет, заодно и разомнется, и возьмет недорого. Но местные продолжали жить в своих халупах, некоторые из них даже топились еще по-черному. По мнению отшельника, находиться в таких домах уже само по себе было пыткой и способом медленного самоубийства. Каждый день понемногу угорать... Тем не менее, крестьяне упорно цеплялись за эту мерзость – деды-прадеды, мол, так жили, и им от канонов отступать не след. Торн лишь плечами пожимал, когда ему об этом говорили, в конце концов, он им не доктор, чтобы искривления в мозгах выправлять.

Дом старосты от других отличался разве что наличием второго этажа и более-менее приличным видом, и то лишь потому, что построили его относительно недавно, всего-то лет десять назад. Старый дом сторел, вот и построили. Сам деревенский староста, крепкий пожилой мужик с седой бородой и пузом, способным вместить не меньше бочки дрянного местного пива, как раз торчал во дворе, размеренно поднимая и опуская колун. Силищи в нем было немерено, толстые березовые чурки лишь клацали, с сухим звоном разлетаясь на половинки. И на гостя он поднял глаза лишь когда Торн щелкнул пальцами у его носа.

– Слышь, любезный, – это было самое вежливое обращение, которое Торн мог себе позволить. Будешь вежливым – моментально облагуют, проверено, а такой вот, брезгливо-презрительный, тон оказался для общения с местными крестьянами в самый раз. – Это чья лошадь?

– Ась? – не понял староста.

– Говорю, лошадь ко мне пришла, с телегой, а седока нет. Чья кобыла?

– Дык Власты Рябого, – с первого взгляда определил староста.

– Ну, так отгони к нему, быстренько. Делать мне нечего, с чужой скотиной возиться...

Откровенно говоря, здесь Торн загнул. Скотина была что надо – нестарая еще кобыла, сильная, выносливая. В иной ситуации и отдавать бы не стал, самому пригодится. Но не хотелось, чтобы потом, увидев ее, кто-нибудь сложил два и два и обвинил отшельника в убийстве. Откровенно говоря, Торну было все равно, однако такие слухи (а они пойдут, можно не сомневаться) в будущем грозили проблемами. Например, не посмотрят местные, что Торн маг и дворянин – в провинции на подобное традиционно смотрят проще. Дом, к примеру, поджечь захотят. Не получится, естественно, да и Торн им за подобное башку оторвет, но... Оно, спрашивается, надо?

Они с Кирой, благополучно проспавшей большую часть дороги, как раз обедали (трактира здесь не имелось, но в доме старосты за серебрушку им приготовили неплохой стол, простой и сытный), когда прибежала жена, точнее, уже вдова хозяина телеги. Бухнулась Торну в ноги, скорее театрально, чем от великого горя, и подняла вой – дескать, куда кормильца дели? Все та же крестьянская логика – виноват кто угодно, кроме них, и тот факт, что отшельник к пропавшему, уехавшему, кстати, за дровами, вообще отношения не имел, никого не волновал. Именно поэтому Торн, кстати, и не сказал им правду о том, кто и почему грохнул незадачливого крестьянина. Живо пойдут вопли, что раз мужика грохнули враги Торна, значит, он и виноват. Так что маг повторил версию о прибившейся лошади, после чего

староста, отличающийся чуть более живым умом (по должности положено), выпроводил бабу прочь. Торн, правда, успел пообещать еще две серебряные монеты, если их довезут до города, и женщина тут же согласилась. А что, горе горем, а деньги по меркам глухой деревни немалые.

До следующей деревни они добрались ближе к вечеру, все на той же телеге. Разве что лошадь управлял теперь сын пропавшего крестьянина, глядя на которого Торн с уверенностью мог сказать – к его созданию отец усилий не прилагал. Скорее уж, здесь не обошлось без заезжего молодца – другие черты лица, чуть раскосые глаза... Похожих в деревне не наблюдалось. Впрочем, их проблемы. Главное, с лошадь, как и любой деревенский пацан, возница справлялся уверенно, а за то, что молчал и не лез с разговорами и единственно правильным крестьянским мнением, Торн был ему отдельно благодарен, что вылилось в несколько лишних медяков. Ну, да и ладно, не жалко. Кира тоже молчала, погрузившись в какое-то отрешенное состояние, и в результате никто не мешал Торну думать.

А подумать было о чем. Раскрыв предусмотрительно взятую из дому сумку с бумагами, отшельник вооружился остро отточенным карандашом и принялся в сотый, наверное, раз проверять формулы. Математика – наука точная, и, следовательно, если результат некорректен, то ошибся, скорее всего, ты сам. Или в исходных данных, или в ходе расчетов. Какой-то процент можно списать на неточность методов расчета и слабость математического аппарата, но чаще всего виноват человек.

В отличие от магов старой школы, Торн, прежде чем создавать что-то новое или повторять за кем-то сделанное, предпочитал разобраться во всем досконально и обсчитать процесс. Это намного безопаснее и корректнее так любимого пенсионерами метода среднепотолочного тыка, хотя и занимает больше времени. Спешить в последнее время некуда, а натура у отшельника, подобно большинству оборотней, была спокойной, уравновешенной и обстоятельной. Что поделать – защитная реакция организма существа, всю жизнь подвешенного между двумя ипостасями. Так что лучше потратить неделю и найти ошибку, чем напортачить в результате эксперимента. Вот только ошибка находиться упорно не хотела.

– Ты пропустил скобку.

– Чего? – только знаменитая выдержка оборотней не позволила Торну подпрыгнуть на месте от неожиданности.

– Вот здесь, – аккуратно подстриженный ноготь коснулся листа бумаги.

– Думаешь? – недоверчиво спросил Торн.

– Знаю.

Уверенность в своей правоте так и звучала в ее голосе. Отшельник задумчиво кивнул, несколько секунд рассматривал формулу, затем кивнул:

– Возможно, ты и права... Откуда так знаешь математику? Это вроде бы не женское дело.

– Шовинист.

– И слова интересные знаешь.

– В пансионе нас неплохо учили. А математику давали, чтобы воспитывать усидчивость, спокойствие и умение логически мыслить.

– Последнее женщинам не грозит, – буркнул Торн, мысленно признавая поражение и вновь погружаясь в расчеты. Кира не стала развивать тему и, удовлетворившись маленькой моральной победой, вновь погрузилась в полудрему. Спать она, похоже, могла в любое время

суток, правда, мгновенно и безболезненно переходя ото сна к бодрствованию.

Однако же девушка оказалась права, и Торн, увлекшийся работой, не заметил даже, как они приехали к месту, где он планировал заночевать. Тоже деревня, такая же, как и предыдущая, разве что раз в пять больше и стоящая у торной дороги. Соответственно это накладывало свой отпечаток – дома выглядели более новыми, люди жили богаче, а из достопримечательностей, помимо дома старосты, имелись храм, в котором возносили молитву всем божествам разом, не слишком вдаваясь в подробности теологических споров, и постоялый двор с расположившимся на первом этаже трактиром и с гулящими девками в количестве трех штук. Одна из них, на вид лет сорока, ошивающаяся у входа в трактир, скользнула по приехавшим усталым взглядом, мгновенно определила, что клиентов ей не светит, и вновь безучастно устала куда-то в сторону леса. Торн мысленно даже немного посочувствовал ей, жизнь у бабы явно не сахар, но развивать мысль не стал – не стоило оно того. Вместо этого он спрыгнул с телеги, помог слезть Кире (не то чтобы ей это требовалось, но воспитание требовало) и, подхватив баулы с вещами, протопал внутрь.

Заведение было чистым, ухоженным... Здесь всегда так было – Торн останавливался в этой деревне раз пять, и впечатление постоялый двор производил всегда одно и то же. И пухленький, улыбчивый хозяин, похожий на шарик на ножках. Естественно, и свободные комнаты имелись, причем все – выбирай на вкус. Все же не сезон, народу по дорогам ездит мало.

Когда они спустились вниз, дочь хозяина и, по совместительству, официантка как раз выставляла ужин. С дежурной улыбкой накрыв на стол, как бы ненароком задела Торна пышным бедром... Кира, до того вроде бы безучастная, вдруг оскалилась в ее сторону. Именно так это и выглядело – вроде бы лицо почти не изменилось, но чудился в нем совершенно звериный оскал. Не хуже, пожалуй, чем у Торна получилось, хотя он к подобному остался безучастен – видал уже, как вампиры могут улыбаться. Официантка же, к подобному непривычная, буквально отпрыгнула, а потом, зло сверкнув глазами, удалилась, призывно покачивая бедрами. С ее избыточным весом и начавшей уже оплывать фигурой, это выглядело не столько призывно, сколько комично, но кому-то, наверное, нравилось – каждая женщина найдет своего поклонника.

Усмехнувшись ей вслед (все же в каждой женщине сидит собственница), Кира навалила себе полную тарелку рагу из высокого котелка и уже занесла ложку, когда Торн внезапно остановил ее.

– Я бы побрезговал, – ничего не выражающим тоном буркнул он.

– Почему?

– Сейчас узнаешь, – маг встал из-за стола. – Пошли.

Хозяина заведения они отыскивали в небольшой комнате рядом с кухней. Он как раз сел за стол, разложив перед собой толстую амбарную книгу, наверное, собирался считать приход-расход. Когда дверь открылась, он обернулся, но вставать не стал, лишь дежурно улыбнулся:

– Что угодно господам?

– Нам угодно есть и пить, а еще тебя убить, – в рифму ответил Торн и, сграбастав толстяка за шкуру, ловко выдернул его из-за стола. Тот дернулся было, но сообразил, что с человеком, который, не напрягаясь, держит тебя на весу, причем одной рукой, лучше не спорить, и обвис. – Ты, дрянь толстомяся, чем нас кормить собрался?

– Э-э...

– Что э? Что э, скотина? Не хочешь говорить, я сам тебе расскажу. Женщина. От

двадцати пяти до тридцати лет Мясо пролежало на льду около недели. Или ты думал, что укропом запах отобьешь?

Судя по тому, как испуганно задергался мужичок, он и впрямь так думал и теперь страстно сожалел, что все открылось. Однако душа разозлившегося оборотня жаждала крови, и спускать с рук такое пренебрежение к своему обонянию он не собирался.

– Так что, тебя повесить или гвоздями к стене приколотить?

– А может, не надо? – испуганно пискнула Кира.

– Надо. За такие шутки его вообще по закону сжигать положено.

Фраза насчет сжигания подействовала магически. Хозяин постоянного двора вновь задергался и залопотал. От испуга его исповедь звучала не очень связано, однако вполне понятно. И, судя по побелевшему лицу Киры (вот ведь, впечатлительная вампирша попалась), для нее услышанное звучало дико.

А ведь история, если вдуматься, житейская. Жениться на молоденьких – весьма распространенная ошибка пожилых мужчин. Нет, оно, конечно, приятно, однако и проблемами чревато серьезными. Данный случай не был исключением.

В общем, опуская нудные подробности, баба загуляла. Причем так хорошо загуляла, что Торн, услышав о ее похождениях, лишь лоб потер в недоумении. Что, спрашивается, ей надо-то было? Дом – полная чаша, по деревенским меркам жили даже не зажиточно – богато. Но, видать, зудело где не надо, и пустилась молодка во все тяжкие.

Мужу не понравилось. Муж поговорил, выпорол вожжами. Ну а когда не помогло, взял топор и пристукнул. А после этого собрал в гости тех, с кем женушка гуляла, числом без малого два десятка человек, исключая, естественно, бывавших в их краях проездом, да и скормил им бабу. В смысле, пустил ее на жаркое, котлеты и прочие вкусности. Довольно изощренная месть. Только про несколько кусков мяса на леднике забыл, а сейчас дочка – не от этой жены, а от первого брака – по незнанию бросила один в котел...

Мужик не врал, это Торн видел. Ошибся... Ну что же. Короткий удар, и толстяка швырнуло на стенку. Рухнув на колени, тот сложился пополам, сплюнул выбитыми зубами. Отшельник посмотрел на него со смесью жалости и брезгливости:

– Подай нам нормальную еду, урод.

Уже в зале Кира, видимо, справившись с дурнотой, спросила:

– Почему ты его не наказал?

– Наказал, – пожал плечами Торн. – Два верхних резца выбил и клык.

– За то, что убил жену, три зуба?

– Нет, за то, что некачественно нас обслужил.

– А...

– А насчет жены я его понимаю, – чуть резче, чем следовало, ответил Торн и замолчал. Повезло, Кира, похоже, не обратила внимания на его оговорку. Правда, и есть не стала, ушла к себе. Ну, ее дело, тем более в дорогу Торн, уезжая из дому, кое-что на всякий случай прихватил. Захочет есть – голод перебить будет чем, пускай и всухомятку. Сам же маг вполне прилично поужинал и с чувством выполненного долга отправился на боковую. В конце концов, решать проблемы чьей-то слишком тонкой душевной организации он не нанимался. И вообще, если кто-то считает, что каннибализм – самый короткий путь к сердцу женщины, то, может статься, он в чем-то и прав. Во всяком случае, другим лезть в чужие дела, и тем более переживать об этом, нет смысла.

Утром Торна разбудил громкий разговор за окном. Вообще-то он, может, не обратил бы

на него внимания, но уж слишком высокий и писклявый, как у евнуха, голос был у одного из разговаривающих. Нежные уши оборотня этот напоминающий звук скользящей по металлу пилы писк резал, словно ножом. Пришлось встать и открыть окно, дабы угостить крикунов содержимым ведра с водой. Ночной горшок, правда, тут подошел бы лучше, но маг не пользовался им принципиально, предпочитая лишний раз выйти до будки на заднем дворе.

Увы, испытать на себе действие успевшей за ночь согреться, но все еще отвратительно мокрой жидкости тем, кто нарушил утренний покой, было не суждено. Как оказалось, разговор шел за углом, а орать, чтобы заткнулись, было несолидно. Пришлось одеться и выйти наружу, благо все равно до назначенного самим Торном времени подъема оставались жалкие полчаса, которые ничего уже не решали.

Во дворе было сыро и промозгло. Шлепая по лужам кожаными сапогами, пропитанными воском и укрепленными собственного изобретения заклиниванием от сырости, Торн в два счета обнаружил источник столь раздражающего его шума. Как оказалось, шла активная перебранка между их возницей, местным конюхом и каким-то умником, обладающим завидным ростом и необъятным животом. Почти как у старосты в предыдущей деревне, только обтягивающая мужскую солидность рубаха выглядела побогаче. Вот он-то и визжал, да так, что находиться поблизости было, мягко говоря, неприятно.

По чести говоря, причина, из-за которой эти трое поцапались, Торна волновала в последнюю очередь. Однако парнишку явно собирались бить, а то уже было проблемой. Сломают ему руку или ногу – и кто будет лошадью править? Учитывая же, что тот был в собравшейся компании самым мелким и хлипким, да еще и самым младшим, такой вариант выглядел логично. Однако же не уступает, гордый... Плотнее запахнувшись в плащ, Торн вышел на открытое место и нарочито весело поинтересовался:

– Что за шум, а драки нет?

– Сейчас будет, – сквозь зубы, не оборачиваясь, ответил толстый. – Шел бы ты отседова, мил-человек.

Судя поговору, был драчун откуда-то с юга. Торн южан не слишком жаловал, считая их вороватыми и ненадежными, однако не хотел чрезмерно обострять ситуацию, а потому попытался решить дело миром:

– И все же, хотелось бы понять, что происходит.

Увы, тон он выбрал неверный – сказались годы отшельничества. Вежливость, нормальная при разговоре с равными, здесь и сейчас оказалась расценена как слабость. Толстяк, так и не удосужившись повернуться, процедил, на сей раз с угрозой:

– Шел бы ты куда подальше, мил-человек, а мы уж с этим птенчиком сами разберемся.

– Из птенцов вырастают орлы, а борову кабаном не бывать, – внезапно смело ответил возница, и это послужило сигналом к началу потасовки.

Южанин размахнулся, широко, по-простонародному, и с хеканьем залепил кулаком по лицу вознице. Точнее, попытался это сделать, поскольку как раз в этот момент Торн схватил его за ворот и дернул назад. Потеряв равновесие, мужик нелепо замахал руками, став на миг похож на гигантскую бабочку, и с воплем рухнул в смачно чавкнувшую грязь.

Его поделник не стал мешкать. Пока отшельник перепрыгивал через барахтавшегося в луже мужика, он успел отпустить мальчишку и стал в некое подобие боевой стойки. Как моментально определил Торн, кое-что конюх мог и умел. Видать, когда-то повоевал, или в наемниках, или в дружине какого-нибудь провинциального барона, или, может, в ополчении. Вот только недолго воевал и немного узнал, иначе живо сообразил бы, с кем можно

связываться, а с кем нет. Уклонившись от довольно грамотного удара и чуть отведя в сторону кулак противника открытой ладонью левой руки, от чего конюх моментально «провалился» вперед, правой отшельник с разворота толкнул его в челюсть. Это было неудобно, однако ударить кулаком или локтем означало или убить, или покалечить. А вот ладонью – в самый раз. Голова конюха откинулась назад, и он плюхнулся спиной на землю. Самым сложным тут было дозировать силу толчка, чтобы ненароком не свернуть недоумку шею, но с этой задачей Торн справился блестяще.

Когда изрядно перепачканная землей и навозом парочка, грязно ругаясь и охая, встала на ноги, боевой запал у обоих как-то быстро иссяк. Все же исконная черта любых хамов, получив отпор, сдуваться и начинать причитания. Ну, до причитаний они пока не дошли... Торн ухмыльнулся и, распахнув плащ, повернулся боком, демонстрируя меч. А вот здесь их проняло. Меч – привилегия дворянства, военных и наемников. Не потому, что его запрещено носить другим. Если ты свободный человек – да хоть дюжину нацепи, вот только стоит хорошее оружие столько, что простому крестьянину или горожанину оно не по карману. И носят его соответственно или те, для кого он рабочий инструмент, или богатые люди, или дворяне, для которых длинномерное оружие – показатель статуса. И любой из вариантов для незадачливых драчунов был чреват проблемами. Военный запросто мог потащить их к судье, а тот встал бы на его сторону, и хорошо, если дело ограничится плетьюми. Наемник рубанул бы с плеча, да и делу конец. Насквозь незаконно, конечно, но у этой братии нрав вспыльчивый. Богатый человек, скажем, путешествующий купец, просто свистнет – и примчится его охрана, которая запросто переломает незадачливым любителям приключений ребра. А дворянин и вовсе вправе повесить их без суда, случались прецеденты.

Все эти мысли отразились на лицах обиженных настолько четко, что Торн им на миг даже посочувствовал. Но только на миг, поскольку такие умники понимают лишь силу, а доброе отношение воспринимают совсем неадекватно. Так что, не говоря ни слова, он аккуратно, чтобы не убить, а только пустить юшку, заехал обоим по лицу, после чего приказал валить куда подальше. Надо ли говорить, что они смылись, будто их сдуло холодным осенним ветром. Ну и ладно, будем считать, что это все – небольшая утренняя разминка.

– За что они на тебя взъелись? – поинтересовался Торн у возницы. Тот шмыгнул носом (судя по следам крови, разок ему по лицу съездить все же успели) и буркнул:

– За дело.

– Вот как? – маг с интересом приподнял брови. – А точнее?

– Я толстому в еду конский навоз подбросил.

– Нормально, – хмыкнул Торн. – Я бы тебя за такое тоже... Хотя нет, я бы тебя выпорол.

А за что ты его так невзлюбил?

– За дело.

– Еще интереснее, – отшельнику вдруг стало весело. Вчера парень произвел на него хорошее впечатление своей молчаливостью, а сегодня откровенно забавлял. – За какое?

– Он из нашей деревни... был. И сказал, что моя мать потаскуха, а я – ублюдок.

Вполне возможно, так оно и было, даже скорее всего. Уж второе – точно, однако и парнишку Торн понимал. Сам он бы за такое оскорбление выпустил бы обидчику кишки. Поэтому маг лишь кивнул задумчиво и повернулся, чтобы идти к себе. И нос к носу столкнулся с Кирой.

А вот это ему уже совершенно не понравилось. Как бы бесшумно ни двигались

вампиры, обмануть оборотня у них не получалось. Торн мог их не слышать – но чувствовал запах, почти неуловимую вибрацию почвы... Ладно, сейчас сыро, а запах у девушки неуловимо слаб, даже следы ее учуять сложно. Положим, прибило запах. Вибрация поглотилась раскисшей почвой – тоже возможно. Однако Торн понимал, что все эти объяснения – не более чем самоуспокоение, а главное, что девушка смогла к нему незаметно подобраться и, случись у нее в том нужда, имела шансы ударить.

В дорогу они отправились сразу же после завтрака. Не то чтобы Торн спешил, при любых раскладах они добирались до города примерно к полудню, но и сидеть на месте он не видел смысла. Оправились, поели – и вперед! А что дорога грязная и лошади тяжело – так чище она все равно не станет.

Выезжая со двора, он увидел ту приснопамятную парочку, злобно переругивающуюся вполголоса. Что переругиваются, понял по интонации, но вслушиваться не стал, хотя для его ушей разобрать, что же они там бормочут, было несложно. Но – зачем? Торн лишь улыбнулся в сторону, от чего их опухшие после урока хороших манер рожи перекосило, будто они задницами по оглобле перекусили. Решив считать, что это крестьяне в восхищении от удовольствия лицезреть его красивую физиономию, маг тут же забыл про них – пение какой-то птахи, решившей вдруг по осени изобразить концерт, занимало его куда больше. Уж больно вдохновенно чирикала...

Напали на них именно там, где Торн и предполагал – в месте, где дорога делала крутой поворот и спускалась в овраг, закрывая место действия от случайных свидетелей и давая атакующим преимущество в высоте. Маг хорошо знал это место и, случись нужда, устроился бы именно там. Правильность своих умозаключений о месте засады он почувствовал издали – вначале по птичьему гомону, а затем по запаху. Возможность при нужде усиливать обоняние – великая вещь. А умение его ослаблять – еще более великая, иначе в человеческих городах не проживешь, от вони сдохнешь. Ну, засада – значит, засада, хоть будут пленные, которых можно расспросить о нанимателе.

Щелчки арбалетов Торн услышал, уже рывком поднимая телегу и превращая ее в подобие щита, закрывающего и его, и спутников. Рефлексы никуда не делись, он все рассчитал правильно, жаль только, лошадь, не удержавшуюся на ногах и рухнувшую в грязь, испугал. А вот с противником малость ошибся – тот оказался серьезнее, чем ожидалось. Три болта застряли в досках, зато четвертый прошел сквозь них насквозь. Отточенная смерть свистнула рядом с ухом мага и ушла в землю. Лихо! Похоже, кто-то не поленился и притащил штурмовой арбалет. Эта тяжеленная, усиленная магией бандура позволяла, не входя в зону поражения защитников какой-нибудь крепости, загнать болт прямо в камень, а раскрывающиеся и тоже усиленные магией стальные лепестки закрепляли его там навечно. И выдерживала конструкция веревку с двумя-тремя воинами в доспехах либо штурмовую же лестницу. Попади такой болт в Торна – и ни магия, ни его вторая ипостась могли не спасти. Одна радость – быстро штурмовой арбалет не перезарядишь, а две такие штуки сюда вряд ли притащили.

Все это он обдумывал уже на бегу. Мозг работал независимо от действий, продолжая анализировать происходящее, а тело, в которое многие годы назад отец буквально вколотил нужные рефлексы, в его командах не нуждалось. Плащ остался на дороге, в правой руке меч, в левой – выхваченный из поясного чехла топор. Теперь главное – не порубить всех в капусту и не выпустить Зверя, иначе опять будет кровавая каша и ни одного пленного, которому можно задать вопросы.

Глава третья, в которой Торн наконец приезжает домой

*Иду с дружкой – они стоят...
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд,
Их было восемь.*

В. Высоцкий

Их было восемь. Крепкие, поджарые мужики в кожаных, проклепанных металлическими пластинами куртках. Такой доспех защищает немногим хуже кольчуги и, кроме того, не звенит. Опять наемники, на сей раз из какой-то не элитной, но достаточно успешной роты – доспех, с одной стороны, не самый дорогой, но при этом единообразный. Но – несыгранные, поскольку атаковали не все разом, а кто в лес, кто по дрова. Что же, это облегчало задачу.

Движения их привычно ускорившему восприятию оборотню казались замедленными. Бросившийся на него первым то ли от щенячьего задора, то ли от желания показать себя молодой парень наискось рубанул мечом. Бесхитростный удар... Торн отвел меч противника в сторону своим клинком, обухом топора ударил противника по кисти и, не дожидаясь, пока тот заорет от боли в покалеченной руке, с наслаждением врезал ему локтем по лицу. Шаг в сторону. Второй наемник замахивается мечом. Да что же это такое? Их что, ничему не учили? Удар ногой по нижнему краю щита. Рот наемника моментально распахнулся до ушей. А вот нечего щиты есть. Еще один умник. Удар! Эх, ну что же ты дергаешься так не вовремя? Теперь без головы ходить будешь...

Пятеро оставшихся на ногах слишком поздно сообразили, что что-то пошло не так. У них была бы тень шанса, успеют они сбить строй, но позволить им это сделать никто не собирался. Торн, словно бы растекшись по земле, скользнул вперед, из низкой стойки рубанул по ногам ближайшего, уклонился от удара топора, отсек кисти рук его владельцу... Едва сам не пропустил мастерский удар копьем, но все же успел в последний момент уклониться. Крутанулся на месте, достал копейщика топором в бок, перескочил через его тело, в прыжке смахнув голову еще одному наемнику. Последний, сообразив, что остался один, вместо того, чтобы молить о пощаде, заорал и, вращая мечом, словно взбесившаяся мельница, попер вперед. Храбро – и глупо. Фехтованию Торна обучали с пяти лет, и напор, который мог бы смутить новичка, не произвел на него впечатления. Уклониться, топором увести в сторону меч противника, отбить удар кинжалом (а ты что, ми-и-лай, думал, что о трюке с ножом в рукаве никто не знает?) и приложить атакующего рукоятью меча в лоб. Кончено.

На мгновение стало тихо-тихо. Не шумел ветер, не качались деревья. Какая-то запоздалая муха, в ожидании поживы кружащаяся над местом побоища, казалось, зависла в воздухе, ее замершие крылья можно было рассмотреть в мельчайших подробностях. Все это длилось, по субъективному времени, около секунды, а затем время рывком вернулось к нормальной скорости. Торн с усилием перевел дух. Вот так всегда, если ускорение

восприятия оказалось чересчур резким и не сопровождалось трансформацией, возвращение в привычный ритм выкидывало фокусы. Не страшно, но дико неприятно, словно оказался в мертвом мире. Свирепо мотнув головой, чтобы отогнать ненужные мысли, оборотень еще раз обвел руками место действия и принялся за дело.

– Кто это был? – спросила Кира, когда Торн спустился обратно к телеге.

– Обычные наемники, – пожал плечами оборотень и, не дожидаясь следующего вопроса, продолжил: – Кто заказчик они не знают – не по их уровню информация. Сержант и его непосредственные подчиненные, только и всего.

– Ты им веришь?

– Разумеется. Мне сложно соврать. Заказчик, а скорее всего, даже не он сам, а посредник, вышел на их капитана. Процедура давно отработана, – усмехнулся Торн, не уточняя, откуда у него такие познания о жизни бретеров. – Так что концов теперь не найти.

– Но можно...

– Уже ничего нельзя. Во-первых, рота базируется далеко, не в нашей стране даже. Исполнителей перебросили сюда порталом. А во-вторых, капитана и, скорее всего, посредника уже наверняка нет в живых.

– Почему?

– На месте заказчика я бы убрал их сразу после отправки группы. Не думаю, что он намного глупее меня.

– Но если бы они справились...

– То я бы никому не позавидовал, – ухмыльнулся Торн. – Мы ведь, оборотни, редко бываем сами по себе, за нами стоит клан. А у моего отца вполне может появиться желание в отместку за смерть непутевого чада натянуть им всем глаз на задницу и кожу на барабан. Поверь, он на это вполне способен.

Судя по скептическому взгляду Киры, в размах авторитета оборотня-папы она не слишком поверила, равно как и в его способность достать недоброжелателя хоть на другом конце света. Зря не поверила, кстати, Торн не соврал ни полсловом, однако возиться и убеждать ее не собирался, просто не видел смысла. И о том, как он расспрашивал пленных, Кире тоже знать не полагалось. Отсюда-то она могла слышать только их вопли. Хотя, по чести говоря, ничего особенного Торн не делал – так, много чего пообещал и даже кое-что сделал. Как только наемники убедились в серьезности его намерений, раскололись до доньшка, как сухие поленья. И то сказать, все прекрасно знали, что серьезного допроса выдержать все равно никто не сможет, так что слили все и всех с чистой совестью. Единственно, самый молодой, это тот, которого Торн вырубил первым, попытался хорохориться и сыпать оскорблениями. Из-за неопытности, наверное. Пришлось взять его за руку и растереть одну из костей на мелкие осколки – сжать кулак достаточно сильно для Торна проблемы не представляло. Рука у молокососа вряд ли теперь будет действовать, но это уже издержки профессионального риска. А так – и сам заговорил, и остальные не отставали. И Торн их даже честно не убил, более того, спас. Как? Да очень просто – отнял амулет портала, который теоретически должен был вернуть наемников к месту дислокации, а на самом деле открылся бы в океане, под водой, на глубине полторы лиги. Наниматель очень старался замести следы. Так что амулет перекочевал в карман победителя, а наемники остались лежать под елочкой, аккуратно перевязанные и усыпленные заклинанием. Через сутки придут в себя, а там, если повезет, и выбраться сумеют. Или не сумеют.

Город встретил суетой, необычной для этих мест. Торн, бывавший здесь неоднократно (а

куда деваться, отшельникам воздержание противопоказано, а в городе всегда можно найти даму, согласную на короткий ля-мур), даже удивился – количество народу на улицах и скорость, с которой все перемещались, подошли бы, наверное, населенному пункту раз в пять поболее. Впрочем, причина такого оживления выяснилась довольно быстро: в городе как раз проходил ежегодный отбор бойцов на турнир, посмотреть на который и подтянулись люди с окрестных деревень.

Вот такое вот королевское нововведение, сумевшее практически мгновенно стать традиционным. Его величество, человек умный и решительный, за годы правления успел сделать многое, в том числе помириться с соседями. Ну а тем, кто мириться не захотел, вначале навесил пинков, а потом все равно помирился. Установил дипломатические отношения с эльфами и орками. Как? Тут сказать сложно, однако и те, и другие короля уважали и, судя по оговоркам отца, побаивались. Приструнил дворянскую вольницу, да так, что даже особо буйные и даже по пьяни в сторону короля без его разрешения вякнуть не смели. Ну и, неплохо разбираясь в потребностях простого люда, дал ему возможность зарабатывать на хлеб с маслом и устраивать себе зрелища. Только вместо казней, которые в этом качестве практиковались раньше, учредил ежегодный Большой Королевский турнир. Каждый город выставлял своих бойцов – лучника, мечника, конного рыцаря и борца. Причем, если рыцари и мечники почти всегда были из дворян, то лучники и борцы чаще выходили из простолюдинов, что позволяло охватить действием все слои общества. Ну, а прежде чем начинался Большой турнир, в каждом городе проходили турниры отборочные. Вот и получилось, что, затратив минимум средств (в принципе, тратиться приходилось только на проживание бойцов во время Большого турнира да не такие уж большие награды), король дал своим подданным отдушину. И те вместо бунтов, для которых, как известно, всегда можно найти повод, спускали пар на таких вот турнирах. Конечно, не все было гладко, ставились и проигрывались большие деньги, сходились стенка на стенку болельщики, но то уже были проблемы местных властей, а не короля.

Сейчас как раз соревновались борцы. Сам Торн, не будучи поклонником таких состязаний, считал, что эти мятые-перемятые, с обломанными ушами, сплюснутыми носами, отрихтованными физиономиями и напрочь отбитыми мозгами здоровяки различаются между собой только цветом волос и трусов. Однако возница как будто невзначай повернул телегу в сторону площади, Кира тоже явно жаждала посмотреть, что там происходит... Да и ладно, не все ли равно, часом раньше, часом позже. Тем более и телепортист наверняка там же. В общем, поехали смотреть.

Как раз объявляли результаты первого боя. Победитель, здоровенный, чуть сутулый мужик с мозолистыми кулаками переминался с ноги на ногу – похоже, такое внимание было ему непривычно. Победенного как раз уносили. Торн присмотрелся – ну да, судя по общему нездоровому виду, получил прямой в челюсть. Правил борьбы как таковых не существовало, запрещалось разве что пинать соперника в пах, а потому кто-то пытался задавить соперника весом, кто-то лупил руками и ногами... В данном случае победитель был явно из последних.

Когда объявляли следующую пару, отшельник почувствовал, как чья-то шаловливая ручонка лезет к нему в карман. Не оборачиваясь, он перехватил ее, рывком подтянул к себе испуганно выпучившего глаза чумазого мальчишку. Кира обернулась, но Торн сделал ей успокаивающий жест, не обращай, мол, внимания, и с усмешкой спросил:

– Не надоело?

Как по волшебству выскочивший крупный мужик с физиономией каторжника и

веселыми, удивительно умными глазами улыбнулся:

– Ты опять на высоте.

– Да, я такой. Это твой лучший кадр? Поздравляю, этот хотя бы подобраться незамеченным сумел.

Честно говоря, подобраться в толчее зрителей, где даже оборотню сложно вычленить отдельно взятого человека, – невелика заслуга. Другое дело, грамотно подобрать время и место тоже надо суметь. Этот мальчишка сумел, стало быть, не дурак. А то в прошлый раз редкий бездарь попался.

Наставник местных воришек, с которым Торна связывали приятельские отношения (пили вместе), принял с рук на руки подопечного и растаял в толпе. Маг хмыкнул и, выбросив из головы воспоминания о давно ставшей традицией дурацкой шутке, с интересом посмотрел на помост, по которому с грозным видом прохаживались борцы. Имена он, разумеется, прослушал, да это его и не слишком интересовало, а что они собой, представляют видел и так. Один здоровый, как бык, с шеей шире головы и могучими мышцами. Такой схватит – хрен вывернешься. Торн смог бы, конечно, а вот обычный человек – вряд ли. Второй помельче, жилистый, подвижный, словно капелька ртути. Этот, скорее всего, будет делать ставку на маневр и удары. На кого ставить? Это уже вопрос. Впрочем, Торн не был азартен.

Звонко ударил гонг, и противники начали сходитьсь. Развивался поединок, в принципе, как отшельник и предполагал. Мелкий прыгал вокруг соперника, довольно ловко молотя его руками и ногами, крупный пару раз попробовал его поймать, но, убедившись в бесперспективности этой затеи, ушел в глухую защиту, прикрыв локтями голову и без видимого ущерба для себя терпя удары. Уже через пару минут Торн потерял к происходящему интерес, он, честно говоря, вообще не находил для себя особого интереса в такого рода зрелищах. И потому что не любил работать на потеху кому-либо, и еще из-за того, что превосходил борцов и силой, и техникой, из-за чего бой, на его взгляд, выглядел на редкость примитивно. Однако потеря интереса не означала потерю внимания, и финал боя он рассмотрел во всех подробностях.

Мелкий и прыгучий боец в какой-то момент утратил осторожность – привык, наверное, что работает первым номером. И здоровяк четко уловил момент, когда тот расслабился. А дальше его рука метнулась вперед, словно камень из катапульты. Раз! Пальцы ухватили прыгуна за шею. Два. Рванул его на себя. Ну и три – встречный удар свободной рукой. Все, дальше можно не смотреть. Зрелище того, как чье-то мясо уносят прочь, никогда не доставляло Торну удовольствия.

Не дожидаясь, когда начнется объявление следующих участников, маг начал проталкиваться сквозь толпу. Торчать здесь просто так было откровенно скучно. Хотел было увлечь за собой и спутников, но, во-первых, кроме них на телегу, с которой было лучше видно, залезли уже человек десять, и спихивать их было пустой тратой сил. Новые поналезут тут же, как муравьи, право слово. А во-вторых, Кира так жалобно на него посмотрела... Видать, их в том пансионе совсем строго держали, если такая ерунда – уже грандиозное зрелище. Ну и ладно, тем более, напасть на нее в толпе никто не осмелится. К тому же все ценное Торн забрал с собой, оставив девушке только ее же собственный кинжал да легкую, как раз под женскую руку, шпагу с красивым фигурным эфесом, которую она давеча увидела в его, Торна, коллекции и буквально вымолила, клятвенно заверив, что умеет с таким оружием обращаться. Их Кира украсть не даст, вон как вцепилась, а если кто-нибудь

ухитрится срезать с пояса девушки тощий кошелек, убыток невелик. Ну и с небес на землю спустится заодно, так что пускай ее.

Приняв такое решение, Торн отправился искать местного целителя. Этот благообразный старикашка с доброй улыбкой и замашками хирурга-экспериментатора был редкостно болтлив, всегда в курсе событий и, главное, терпеть не мог драк в любом их проявлении – слишком хорошо знал, чем они кончаются. Стало быть, он почти наверняка был дома и, если наемники хоть немного засветились в этих местах, целитель наверняка что-нибудь да знал.

Увы, на сей раз, удача изменила оборотню. Дома целителя не оказалось – дверь была подперта толстой палкой, что в такой провинции частенько надежнее замка. А еще на дом было наложено охранное заклинание, способное обездвигить того, кто решит пренебречь традициями и правилами хорошего тона и все же залезет пощуровать в чужом жилье. С такими пленными – это Торн знал совершенно точно – целитель не церемонился, беззастенчиво используя их для опытов вместо лягушек и мышей. Претензий к нему, кстати, ни у кого не было – или не лезь, или не попадайся, все честно.

– Эй, бабуль, а где мне хозяина найти? – на всякий случай поинтересовался Торн у соседки, копавшейся в своем огороде, выставив на всеобщее обозрение необъятный зад.

– А ты еще раз бабулей назови – живо у него окажешься, – ответствовала женщина, распрямляясь. Маг безразлично пожал плечами – если в неполные тридцать выглядишь на сто лет, так не обижайся. В конце концов, этот дом был не единственным интересовавшим его местом.

Жилье телепортиста тоже оказалось пустым. Ничего удивительного, его хозяин, молодой парень, поселившийся в городе всего-то пару лет назад, против зрелищ ничего не имел и наверняка торчал сейчас там же, где и большая часть городского населения. Торн и завернул-то сюда больше для очистки совести. Тем не менее, он некоторое время постоял, посмотрел на дом – ностальгия, чтоб ее, хотя сам он здесь никогда не жил. Зато жила мать – до того, как познакомилась с отцом и уехала сначала за приключениями, а потом и просто вслед за любимым человеком. И никогда об этом не пожалела – жили родители до сих пор душа в душу. Торн резко тряхнул головой, сгоняя наваждение, и решительно зашагал обратно к площади – не стоило все же надолго оставлять Киру одну.

Как ни удивительно, у девушки даже кошелек не срезали, хотя она, вместо того, чтобы обращать внимание на сохранность вещей, азартно подпрыгивала на телеге, радуясь успеху очередного мордоворота. Наверное, все воришки занимаются тем же самым, мимоходом подумал Торн и от нечего делать тоже понаблюдал пару боев, тем более, дело шло к финалу. Как раз очередной кулачный боец выбил из схватки того здоровяка, бой которого они наблюдали в самом начале, и на этом, собственно, дело закончилось. Победитель, которому предстояло ехать в столицу, выявлен, домашняя часть турнира завершена. Народ, поглазев еще немного и поспорив насчет достоинств поединщиков, а также честности и нечестности боев, начал расходиться, и телега тоже двинулась в путь, как только улицы хоть чуть-чуть очистились от людей.

На сей раз телепортист был дома. Сидел на лавочке с кувшином вина. Торн втянул носом воздух... А ничего так, не крестьянская бормотуха, от которой только в глазах двоится и виски ломит. Судя по выражению лица, он или немного проиграл, или совсем немного выиграл, то есть нет повода ни серьезно огорчаться, ни особенно радоваться. Так, понаблюдал за зрелищем, получил заряд эмоций и теперь отдыхает. И в сторону визитеров маг обернулся лениво и вальяжно.

– Торн? И что вас привело в мою обитель? – тут он увидел Киру и разве что не облизнулся. – И вас, красавица?

Кира чуть слышно пискнула и спряталась за спину Торна. Вот ведь пугливые вампириши пошли... Хотя, конечно, было во взгляде парня что-то такое-этакое... в общем, словами не передашь, одно слово – озабоченный. По слухам, его именно из-за этого выперли из столицы, не посмотрев даже, что талантливый парень, очень перспективный и многообещающий.

– Да все дела, дела... – протянул Торн и, насмешливо усмехнувшись, развернул плечи. От этого простого, в общем-то, движения люди обычно скуцнели и теряли желание разговаривать. Нынешний случай не стал исключением. Скривившись, телепортист не стал больше задавать глупых вопросов, а спешно занялся своими прямыми обязанностями. Не прошло и десяти минут, как во дворе открылась радужная арка портала и Торн, преодолев легкое головокружение, шагнул на главную площадь родного города.

Не зря, ох не зря пропустил он Киру вперед. На секунду хреново стало так, что оборотень еле устоял на ногах. Ничего удивительного, в общем-то. Среди оборотней очень мало магов, но не потому, что они обделены талантами, а из-за повышенной чувствительности ко многим заклинаниям. Хорошо – не ко всем, однако если в заклинании есть хоть небольшая ментальная составляющая – все, туши свет. К своей-то магии Торн притерпелся, а вот эхо чужих заклинаний било его, словно молотом. Правда, на очень короткое время и без последствий, но все равно – приятного мало.

Уловив удивленный взгляд спутницы, Торн через силу улыбнулся, махнул ей рукой и бодро зашагал по улице. Силы восстанавливались на глазах, обычное дело. Сзади затопали каблучки – девушка торопливо нагнала его, хотя идти в одном темпе с оборотнем ей было сложно. А спустя четверть часа, когда они уже стояли у высоких, плотно подогнанных и аккуратно покрашенных ворот, Торн еще раз взглянул на Киру и понял – она боится. Ну да, все правильно, оборотни не жалуют чужаков. Точнее, это все остальные так считают, на самом деле, все зависит от личностей хозяина и гостя. Тем не менее, нелюдность оборотней являлась знанием общего порядка, и если о сущности самого Торна девушка узнала постфактум, когда знакомство уже состоялось и они даже успели немного притереться друг к другу, то сейчас ей предстояла встреча с целой кучей оборотней, причем в их же собственном логове.

Двор встретил их давным-давно знакомым и уже немного подзабытым ощущением невероятной чистоты и порядка. Ничего удивительного, и отец, и мать были аккуратистами во всем, что не касалось их личного пространства. То есть бардак, точнее, рабочий беспорядок у них наблюдался разве что в мастерских и лаборатории, а во дворе и в доме чистота была такой, что глаз радовала. И вроде бы все ровненько и по линейке, но при этом не казалось искусственным, неживым, как у многих любителей окультуривания подворья. В этом плане Торну, который тоже не был чужд порядку, до них было далеко.

– Торни приехал! Торни!

Маг обернулся. Ну да, через весь двор, едва не поднимая ногами облака пыли, к нему мчался брат. За время, которое они не виделись, мальчишка успел вытянуться на полторы головы, но от этого не потерял мальчишеского задора. Правда, когда Дерек с размаху повис у Торна на шее, устоять оказалось довольно проблематично. Не тростиночка уже.

Сестра появилась чуть позже. Возрасту в ней было всего на два года больше, зато солидности хватило бы на целую стаю оборотней. Видеть это было довольно комично. Ну и, наконец, появилась мать, держащая на руках вторую дочь, еще не вышедшую из нежного

молочного возраста. И только сейчас Торн почувствовал, как же сильно он по ним скучал.

Отец вышел последним, когда остальные уже откричались, а женщины слезами успели промочить Торну рубашку. Выглядел он как обычно – годы (хотя какие там годы, для оборотня его возраст совсем невелик) не заставили его фигуру погрузнеть. Разве что в плечах раздался еще сильнее, хотя это казалось уже невозможным. Неторопливо подойдя, он аккуратно раздвинул остальных и хлопнул Торна по плечу широкой и твердой, словно лопата, ладонью. Маг аж присел.

– Здорово, красавец! Что, решил вылезти из своего болота? Ей же ей, давно пора.

– Нужда заставила, – виновато развел руками Торн. После такого продолжительного отсутствия, да еще и вернувшись, можно сказать, не по своей воле, он не совсем понимал, как себя вести с родными. А вот отцу с высоты прожитых лет было наплевать на двусмысленность положения.

– И как зовут нужду? – с усмешкой поинтересовался он, кивнув головой в сторону скромненько прячущейся в тени ворот Киры. Пришлось, мысленно костеря себя за нерасторопность, заниматься представлениями. Хорошо еще, что на происхождение девушки родители внимания не обратили, не спрашивали даже – они были выше расовых предрассудков.

Тем не менее, гостью что отец, что мать оглядели с ног до головы так внимательно, будто выбирали барашка для ужина. Потом отец хмыкнул о том, что вкус его сыну никогда не изменял, в отличие от мозгов. Мать кивнула, соглашаясь, и гостеприимным жестом предложила гостю пройти в дом. Судя по тому, как она чуть заметно дернула бровью и нахмурилась, сущность гостя не осталась для нее тайной. И как определила, спрашивается? Тем не менее, отказывать от дома не стала. Да и то сказать, угрозу в Кире она вряд ли видела, а случись что – так отец способен оторвать недовампирше голову одним ударом лапы. Или тяжелой, во все еще не прошедших кузничных ожогах, руки – без разницы.

Стол, как всегда, был великолепен. И отец, и мать любили вкусно поесть. Готовила мать всегда сама, не доверяя служанкам, и умела делать это просто замечательно. Насколько Торн знал, все соседки ей завидовали – не ограничивая себя ни в чем, даже после рождения четвертого ребенка она сохранила стройность фигуры, которой частенько не могли похвастаться и совсем юные девушки. И безо всякого вмешательства магии. Это возраст магия подавляет – живут-то обладатели столь ценного дара в разы больше обычных людей, так что молодой и цветущий вид матери, скорее, норма, а вот фигура – это уже от природы. И никакие злоупотребления пищей тут роли не играют. Торн уже и отвык от такого обилия вкусов, отвалившись от стола, только когда почувствовал – еще немного, и он лопнет.

К собственному удивлению, он увидел, что худенькая Кира ест не хуже него самого, но каких-либо неудобств при этом не испытывает. А мать... мать смотрит едва ли не с умилением – Торн и забыть успел, оказывается, как ей приятно, когда гостям нравится еестряпня. Впрочем, всему хорошему рано или поздно приходит конец. Эта мысль в очередной раз получила подтверждение, когда отец, откинувшись в кресле, пригубил вино из громадного кубка (а выпить таких он успел уже штук пять) и отправил детей из комнаты. Те, особенно брат, покривились, но подчинились беспрекословно – помнится, только сам Торн в свое время и рисковал сказать что-то поперек, за что и получал регулярно. Для его же пользы, как считал отец. Может, и прав был, а может, и нет, но порядки в доме с тех пор явно не претерпели сколь-либо серьезных изменений. А после этого глава семьи, глядя на сына абсолютно трезвым, нимало не осоловевшим взглядом, сказал:

– Ну что же, сынок, рад, что ты наконец повзрослел.

– То есть? – сказать, что Торн был удивлен такому началу, значило ничего не сказать.

– А ты вместо того, чтобы расшибать себе лоб, а потом прятаться в лесу, когда возникла проблема, вспомнил, что есть те, кто готов прийти к тебе на помощь. О семье вспомнил. В первый раз, кстати, а то раньше все сам да сам, и нарывался. А потом опять прятался. А все почему? Да просто забывал, что не на необитаемом острове живешь, – нравоучительно воздел палец отец, и Торн понял – он все же немного пьян. – А раз повзрослел, это радует. Поэтому давай, рассказывай.

– Хорош тебе, старый... – Мать слегка ткнула главу семьи локтем в бок. Этого «слегка» хватило даже, чтобы покачнуть такую скалу, как отец, но не более. К тому же Торн и пришел сюда за помощью, а потому не стал мяться и – рассказал.

Надо сказать, рассказ получился сухим и коротким. С одной стороны, Торн старался не пропустить ни малейшей подробности, с другой – полностью отключить эмоции, чтобы донести максимум информации. В точности как учили, и, судя по довольному выражению отцовского лица, получилось правильно. Вот только сейчас происшедшее уже не казалось чем-то исключительным – было время, когда на лишнюю пару арбалетных болтов над головой Торн и внимания не обращал. Однако, как ни странно, рассказывая о своих приключениях, он впервые за долгие годы не боялся выглядеть в чьих-то глазах неумелым и слабым. Возможно, именно это и значило, что он повзрослел? Или что-то еще?

Когда Торн закончил, родители синхронно перевели взгляд на Киру. Судя по их выражению из цикла «во что ты вравила нашего сыночка, стерва», для вампирши самым безопасным сейчас было бы залезть на стол и начать мелко-мелко дрожать от ужаса. К чести своей, Кира взгляд, способный испепелить (в буквальном смысле слова, учитывая таланты маменьки) небольшую армию, выдержала с честью. Разве что побледнела чуточку. И тем самым заработала на удивление одобрителный «хмык» от отца и несколько скептическое, но доброжелательное покачивание головой матери. А потом родители переглянулись, синхронно кивнули, и мать сказала:

– Вот что, Торни. Нам очень не нравится, когда в нашего сына стреляют.

Торн только-только хотел сказать, что, во-первых, уменьшительно-ласкательные имена при гостях не к месту, а во-вторых, что стреляют в него не в первый раз, но мать резким, совсем не женским жестом заставила мага закрыть рот прежде, чем из него вылетело хотя бы слово.

– Не спорь, я слишком хорошо знаю, что такое смерть. Видела, знаешь ли, и поближе твоего.

О-па! А вот про эту часть ее биографии Торн не слышал. Пару раз мать и отец обмолвливались, что молодость у них была довольно бурной, но то вполне нормальное явление. У кого, спрашивается, ее не было? Тем не менее, судя по последним ее словам, выходило, что жизнь предки успели повидать куда более красочную, чем Торн привык думать.

– Мать, не нагнетай обстановку, – прогудел отец. – Мне пока интересно, что же скажет его... спутница. А то она пока что только глазки строит. Не мне, что характерно.

А что спутница? Спутница подтвердила, добавив заодно свою историю. Менее толково, зато более эмоционально, а значит, длинно. Тем не менее, родители слушали ее, не перебивая, только кивали невпопад – наверное, каждый своим мыслям. И лишь когда девушка закончила свой рассказ, отец мрачно бросил:

– Не врет? Очень интересно. Знаешь, милая, похоже, все куда интереснее, чем нам казалось.

– И почему?

– А ты подумай. Во-первых, – тут он повернулся к Кире, – откуда ты узнала прозвище нашего сына? *Он*, насколько я знаю, о подобном распространяться не любил.

– Отец...

– Которого ты в глаза не видела. И который не мог тебе ничего сказать.

– Было еще одно письмо. От него. Мне лично.

– Не врет, – мать без интереса посмотрела на девушку. Ну да, какие тут эмоции – сейчас она не женщина, а сильный маг, уверенно контролирующийся объект исследований, а значит, все прочее по боку. Улыбки или нахмуренные брови – все это будет потом, а пока что есть дела поважнее.

– Хорошо, допустим. Вопрос второй. Почему ты сделала вид, что ничего не понимаешь в магии?

– То есть?

– Милая, – отец чуть заметно улыбнулся, немислимым образом перестав быть при этом похожим на добродушного главу семейства, зато очень напоминая теперь хищника, которым, собственно, и являлся. Готового прыгнуть, смертельно опасного хищника. – Ты моментально определила, что Торн ведет магический поиск. Это, кстати, несложно даже для неподготовленного, а просто кое-что видевшего-слышавшего-читавшего человека. Тем не менее, ты сделала вид, что поняла лишь, что он задействовал магию. Итак, мне очень, – на этом слове он сделал ударение, – хотелось бы знать, почему?

Пауза была. Очень короткая, но была, это даже Торн уловил. Наконец девушка вздохнула:

– Боялась...

– Чего?

– Что Торн, узнав о моем интересе к магии, не захочет иметь со мной дело и откажется помогать.

Идиотизм. Вот она, женская логика во всей красе. Так, наверное, подумали все трое. Но мать вновь кивнула:

– Говорит правду.

– Это радует. И каков же твой интерес к магии?

– Ну... У меня чуть-чуть проявились способности к ней, совсем недавно. И я не знаю, что мне делать.

Вновь кивок матери, на сей раз молчаливый. Отец пожал плечами:

– Ладно, замнем... пока что. В-третьих, девочка, ты пользовалась амулетом. Магия крови – штука непростая. Соответственно и сама ты магией владеешь на достаточном уровне. А теперь скажи, в каком месте ты врешь?

– Я не вру. Магия крови – это мое, врожденное, я ее и за магию-то никогда не считала. Да и владею я ей так, чуть-чуть.

– Хочешь сказать, разница в терминологии? Ну-ну, – скептически протянул отец. – И тогда последний вопрос. Торн четко описал твое поведение при вашей первой встрече. Оно подойдет зрелой, много повидавшей или, напротив, хорошо обученной женщине. Не вяжется такое заигрывание с девчонкой из хорошего пансиона. Итак?

А испугалась девочка, как-то отстраненно подумал Торн. Испугалась и поплыла, не думая даже, что подозревай ее всерьез, то и спрашивали бы иначе. Куда больнее бы

спрашивали. У оборотней, когда дело заходит о защите семьи, человеколюбие и спокойствие отключаются напрочь, а налет цивилизованности, каким бы толстым он ни выглядел, от испуга со свистом вылетает в форточку. Так что пока ее не подозревали, только сглаживали углы, в ином случае от Киры уже клочки бы летели.

Как ни странно, разрядила атмосферу мать. Рассмеялась вдруг и сказала на удивление веселым голосом:

– Все, все, хватит. Совсем застрашал ребенка. Неужели не видишь – понравился ей наш мальчишка, вот и стала действовать, как подружки рассказывали. А ты, девочка, не красней так, что естественно – то не безобразно. На нашего Торни всегда девчонки западали.

Да уж, для родителей мы всегда дети. Мальчишки. А отсутствию в подобных высказываниях даже намек на тактичность Торн не удивлялся – маги циничны, и в этом плане мать была достойным представителем своего братства. Отец, очевидно, подумал о том же самом, поскольку лишь поморщился слегка и буркнул:

– И что с ней теперь делать будем, с красивой такой? Лично мне и впрямь не нравится, когда у сына проблемы.

– Можно выгнать, – на сей раз, мать не смеялась. – Или... В общем, нет человека – нет проблемы.

– Не стоит. Торн ее теперь уже не отдаст.

– Ну да, все ваши дурацкие рефлексy. Впрочем, ладно, это я гипотетически. Предлагаю посоветоваться с остальными. Тем более, мальчика все равно пора представлять, вот и решим два вопроса.

– Делать там нечего, только с подобной мелочью разбираться.

– Он – член нашего клана. И ты знаешь, как остальные относятся к подобным «мелочам». На тебя лязгнут челюстями не за то, что ты посоветовался, а за то, что при нужде решил справиться сам и не справился. Не факт, что не справимся, ну а вдруг?

– Ладно, ладно, – махнул рукой отец. Впрочем, как и всегда. Если мать начинала давить аргументами, грозный оборотень даже не пытался сопротивляться. А вот Торн ничего не мог понять. Какой клан? Кому еще из прададь и внучатых бабушек он не представлен? Вроде бы знал всех, и давно, едва ли не с самого рождения. Во всяком случае, достаточно долго, чтобы разбираться в сложных даже для самих оборотней хитросплетениях родственных отношений.

Между тем, родители переглянулись и вышли, оставив Торна с Кирой в одиночестве. Девушка покраснела еще сильнее, так, что от кончиков ушей – кстати, довольно симпатичных – можно было что-нибудь поджечь. Нет, Торн знал, конечно, что на некоторых представительниц слабого пола его внешность иной раз действует убойно, но чтобы так вот... А главное, несмотря на отнюдь не детский возраст, он никогда не знал, как вести себя в подобной ситуации.

– Послушай...

Кира разрыдалась. Ну вот, и что теперь с ней делать? Утешать, как всегда неумело? Впрочем, от позора Торна спасли вернувшиеся родители.

– Так, слезы-сопли вытереть! Бегом-бегом-бегом, – мать, как обычно, взяла ситуацию в свои по-женски крепкие руки. – У нас три часа, а ты неодетая и не накрашенная. Что о тебе люди подумают?

Вот ведь, умеет женщина найти хорошие слова, а главное, сказать их к месту. Торн глазом моргнуть не успел – а их уже и след простыл, даже запах в воздухе, кажется, успел рассеяться. Отец посмотрел вслед женщинам, усмехнулся:

– Ты бы тоже, помылся с дороги да переоделся. А то, знаешь, грязный, как чушка...

Своевременно, да, весьма. И баня, пускай и на скорую руку, была очень вовремя. Правда, дам пришлось пропустить вперед, но это было ненадолго – Кира к потокам горячего пара оказалась явно непривычна. Зато попарился... ну, почти от души. Заодно с отцом за кубком вина посидел. И в следующий раз увидел спутницу лишь перед тем, как настало время отправляться.

М-да... Вот что делают с женщиной подогнанная по фигуре одежда и грамотно наложенный макияж. Огромные глаза, великолепная фигура... Жалобный взгляд испуганного котенка – ну, это уж как положено. И никаких тебе корсетов, коими так увлекаются столичные модницы. Правда, увлекаться-то увлекаются, но не чрезмерно – король, по слухам, с подачи своего придворного мага-целителя, на подобное смотрит косо. Ну да здесь обошлись без этого. Единственно, так и осталось загадкой, как служанки успели подогнать платье сестры под Киру. В росте разницы почти нет, конечно – сестренка хоть и младше, но ростом удалась. Зато она – далеко не тростиночка, и в изначальном варианте платье на вампирше должно было висеть, как балахон. Однако же все ровненько, без морщиночки – женские руки способны на чудеса, причем безо всякой магии.

А потом – самый обычный портал, в исполнении матери почти не доставивший неприятных ощущений. И лишь оказавшись с другой стороны, Торн сообразил – его, в отличие от Киры, никто не заставлял одеваться по-парадному.

Комната, где они оказались, была большая, высокая и ярко освещенная. Солнце за окном уже быстро садилось, но здесь не пожалели магических светильников. И ничего, кроме этих светильников на стенах, даже стульев. Нормальное, в общем, помещение для портала – здесь ни во что не врежешься, стало быть, и риск несчастного случая при открытии минимальный. Главное, координаты точно знать. Такие помещения частенько делают себе в домах богатые люди. Для личного потребления, не для всех, и в официальные регистры такие точки, естественно, не входят. Интересно даже, где они оказались...

Едва марево портала опало за спинами вновь прибывших, неприметная, почти сливающаяся со стенами дверь распахнулась и в комнату вошел крепко сбитый, мускулистый человек. По одежде его можно было принять за кого угодно – и за средней руки вельможу в повседневной одежде, и за охранника, во всяком случае, меч на поясе как бы намекал на такую возможность. Однако Торн этого человека видел раньше не раз и не два. К примеру, на выпуске, когда закончил Академию. Целитель Элтон, придворный маг и один из самых влиятельных людей в королевстве. По слухам, его величество доверял своему магу безгранично. И в какие выси, интересно, их занесло, если человек такого ранга их встречает? И вообще, как высоко тогда достают связи родителей?

– Здоров, Рич! – маг хлопнул отца по ладони. – Селеста, ты все хорошеешь, – это уже прикладываясь губами к руке матери. – Поделишься секретом?

– У тебя жена может не хуже.

– А ей это положено. У нее происхождение соответствующее. У тебя же...

– Да брось ты, – мать небрежно отмахнулась, но при этом кокетливо поправила прическу. – Ты один?

– Да, Аллен задержался немного. Пойдемте пока, жена нам ужин организовала. Слуг привлечь не стали, сама понимаешь, а Лиина к кухне всю жизнь равнодушна.

– Еще бы, кто ее учил, – пробормотал под нос отец. Тихонечко совсем, но Торн услышал и с удивлением посмотрел на него, но отец лишь усмехнулся и негромко, зато с гордостью

пояснил: – У моей бабушки училась. Когда еще была помоложе твоей...

– Не моей.

– Да какая разница? Пошли.

Очевидно, сегодняшний вечер должен был войти в память Торна как одно большое застолье. И поразить его тем, что кто-то умел готовить лучше матери. Но больше всего удивляла личность поварихи – самая настоящая эльфийка, высокая, невероятно красивая, с рыжими, как огонь, волосами. А вот ее Торн никогда раньше не видел. Точнее, что жена придворного мага родом из Заповедных лесов, ни для кого секретом не было, но особо к публичности их семья никогда не стремилась, а на балах Торн практически не бывал. Так вот, по сравнению с ней Кира выглядела откровенной замухрышкой, мать же... Ну, мать есть мать, и сравнивать некорректно.

Между тем, пока Торн глазел на хозяйку, маг внимательно рассматривал его. Потом усмехнулся, кивнул одобритительно:

– Надо же, повзрослел совсем. Я его когда в последний раз видел?

– Двадцать лет назад.

– Ну вот, я же говорю – повзрослел. Ричард, Селеста, примите поздравления – наследник вам определенно удался.

– Ну так... старались.

Что ответил бы маг, уже открывший было рот, так и осталось секретом, потому что в комнату вошли еще двое. И рот у Торна тоже открылся, да так, что в него могла залететь если не ворона, то, как минимум, грач. Поскольку этих двоих не узнать было невозможно, любой житель королевства их видел. Да хотя бы на монетах, где отнюдь не благородный профиль мужчины был отчеканен во всей красе. Аллен... Король Аллен Третий, человек, которого обожали, ненавидели, уважали и боялись. В общем, к нему испытывали самые разные чувства, но равнодушных Торн пока не встречал. Дипломат, полководец, человек, при котором наконец-то наладились финансы, а знатные роды, до того чувствовавшие себя излишне вольготно, понюхали запах плахи. Просветитель и тиран – и все это в одном флаконе. И какой для подобных успехов надо обладать работоспособностью, Торн боялся даже представить.

Выглядел король на удивление молодо. Ничего, правда, удивительного, если учесть, кто его жена, королева Ирма. Вон она, рядом, держится чуть позади левого плеча супруга. Тоже эльфийка. Точнее, полуэльфийка, это не скрывается, хотя, конечно, на взгляд разве что сами эльфы и способны отличить такие нюансы. Зато архимаг, наверное, самый молодой на континенте. А эльфийские маги, в отличие от всех остальных, способны обеспечить долгую жизнь и молодость не только себе, но и тому, с кем рядом и кому хотят помочь. Эта конкретная эльфийка помочь мужу, очевидно, очень хотела – зря, что ли, король выглядел моложе, наверное, чем сам Торн.

– Ну что, еще не приступали? – широко улыбнулся король прямо от дверей.

– Да нет, тебя ждем, – отец вернул ему улыбку, вставая навстречу, и мужчины крепко обнялись.

– Это вы молодцы, что решили выбраться наконец из своего медвежьего угла. Вечность вас не видел.

– Не вечность, а три недели, – пунктуально отметила мать. – Сам-то где был?

– Да сегодня же послов принимаем. А это этикет. Шаг влево, шаг вправо... Как мне это надоело!

– Так отмени его к демонам, этот этикет.

– Отменить несложно, да потом геморрою еще больше будет. Кто в лес, кто по дрова...

Сейчас хоть заранее известно, кто и сколько протанцует, – король невесело усмехнулся и сбросил наконец мешающую мантию. – Все, падаем, я жрать хочу.

Пока все приветствовали друг друга, Торн внимательно наблюдал за ними. Странные отношения были в этой компании. Вроде бы и дружеские, но в то же время королева и мать постоянно друг на друга посматривали, словно оценивая, да и жена придворного мага от них не отставала. Впрочем, длилось это недолго – очень скоро взгляды скрестились на них с Кирой, и Торну разом стало неуютно.

Глава четвертая, в которой Торн узнает некоторые особенности жизни королевского двора и нюансов управления

*Мы с тобой давно уже не те,
Мы не живем делами грешными,
Спим в тепле, не верим темноте,
А шпаги на стену повешены.*

Адалунг. «Мы с тобой давно уже не те»

Приходилось непрерывно помнить, что из всех здесь собравшихся он, Торн, самый младший и по возрасту, и по положению. Кроме, разве что, Киры, но та выглядела то ли смущенной, то ли испуганной, в общем, пришибленной, и закономерно держала язык за зубами. А ему приходилось отвечать на реплики и вопросы, которыми собравшиеся, в первую очередь женщины, засыпали его, как горох из дырявого мешка. Правда, вскоре Торн заметил, что слова его собеседников могут быть и ехидными, и неудобными, однако в разговоре не переходится грань, за которой они могли показаться оскорблением. Последнее обстоятельство невольно вызывало уважение – сам Торн с трудом удерживался, чтобы не ляпнуть чего-нибудь излишне резкого, а в ситуации, когда представляешь собой спрашивающую или, скорее, допрашивающую сторону, так следить за словами во сто крат сложнее.

Однако же информацию из него вытягивали профессионально. Торн и охнуть не успел, как рассказал не только историю появления Киры и их пути во дворец в мельчайших подробностях, но и выложил все свои предположения, которых, правда, оказалось совсем немного.

Если конкретно, было их всего два. Во-первых, за Кирой могли охотиться те, кому перешел дорогу ее отец и, во-вторых, кто-то, желающий использовать ее в своих внутренних межвампирских играх. Отец, слушая его, одобрительно кивал, Элтон задумчиво хмурился, а вот король сидел с абсолютно непроницаемым выражением лица. И, дождавшись, когда Торн закончит, он резко припечатал по столу ладонью:

– Ерунда, – и, видя удивленные взгляды остальных, пояснил: – Если бы за девушкой охотились вампиры, они бы ее или убили, или похитили. И вы, молодой человек, помешать им не смогли бы при всем желании. Один на один оборотень сильнее вампира, но два вампира уже равны оборотню. Послать отряд из трех-пяти бойцов – и девушку увели бы, а ее защитника гарантированно прикончили.

[Купить полную версию книги](#)